

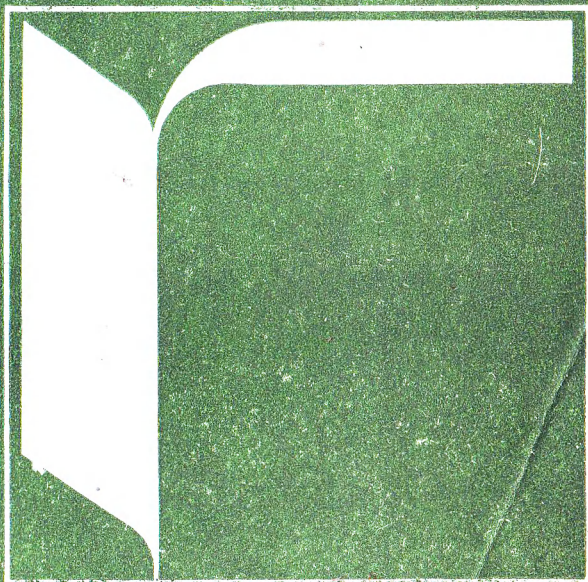
81.2P-7
0-11
ЗНАНИЕ

НОВОЕ
В ЖИЗНИ,
НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРА

12'81

НОВОЕ
В ЖИЗНИ,
НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Серия
«Литература»
№ 12, 1981 г.

Издается
ежемесячно
с 1967 г.

Издательство
«Знание»
Москва
1981

ББК 81.2Р—7

О 11

Рецензент — Кожин А. Н., доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

О хорошей речи	3
Канцеляризмы и штампы	27
Опасная болезнь жаргонизации	37
Верные помощники и друзья (словари и справочники)	49
Проверьте себя (стилистический практикум)	58

Статья «О хорошей речи» написана доктором филологических наук, профессором Горьковского государственного университета Б. Н. Головиным, статьи «Канцеляризмы и штампы», «Опасная болезнь жаргонизации» и «Верные помощники и друзья (словари и справочники)», — доктором филологических наук, зав. сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР Л. И. Скворцовым.

О 11 О культуре речи (сборник статей). — М.: Знание, 1981. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Литература», № 12).

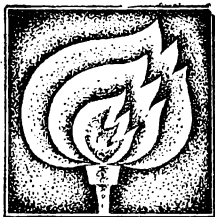
1 коп.

В сборник включены статьи, посвященные правилам образцовой речи, проблемам преодоления штампов и канцелизмов, борьбе с жаргонизацией и вульгаризацией языка. Читатели познакомятся с типологией словарей и справочников и смогут проверить свои знания, обратившись к заданиям «Стилистического практикума».

70100 4602000000

ББК 81.2Р—7

4

Правильность. Правильность речи — ее не единственное, но главное коммуникативное качество. Почему главное? Потому что прежде всего правильностью речи обеспечиваются ее взаимопонимаемость, ее единство. Нет правильности — не могут «сработать» другие коммуникативные качества — точность, логичность, уместность и т. д. Правильность речи всегда ведет нас к соблюдению норм литературного языка, неправильность — к отступлению от них. Поэтому определение правильности речи как ее главного коммуникативного качества можно считать общепризнанным в науке и достаточно четким: правильность речи — это соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам.

Нормой называют исторически принятый в данном языковом коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака. Но если это выбор одного из вариантов языкового знака на каждом шаге развертывания речи, это значит, что на каждом же шаге остаются нереализованными отвергнутые нормой варианты и один из этих отвергнутых вариантов может быть подсказан речевыми навыками индивида, не очень хорошо освоившего норму. Получается, что норма несет в себе самой возможность отклонения от нее, когда она применяется отдельными людьми. Возникает, таким образом, проблема степени усвоения нормы говорящими и пишущими — проблема не столько лингвистическая, сколько психологическая и педагогическая. Одни нормы усваиваются легко и при минимальном участии школы. Другие нормы укрепляются влиянием школы. Третьи — остаются полуусвоенными и после окончания человеком средней школы. Было бы полезно для целенаправленного воздействия на рече-

вую культуру знать, какие именно знаки языка имеют норму, усваиваемую независимо от школы, какие — под воздействием школы и какие остаются неувоенными и в средней школе; перечни норм третьего типа были бы особенно нужны — и для дополнительных усилий школы, и для внешкольного воздействия на говорящий коллектив (через печать, радио, телевидение и т. д.).

Если норма — это исторически принятый (предпочтенный) выбор одного из функциональных вариантов языкового знака, то, по смыслу определения, следует, что нормы с течением времени и в результате действия совокупных социальных условий, в которых применяется язык, меняются. Но если нормы меняются (а изменение норм не может быть актом одноразовым и быстрым), неизбежно сосуществование старой и новой нормы в тот или иной период развития литературного языка — в тех или иных его узлах и точках.

Это хорошо известно лингвистам, специалистам по истории литературного языка. Можно напомнить читателям некоторые факты. В. И. Чернышев в работе «Правильность и чистота русской речи» писал в начале XX столетия: «В русском языке еще недавно колебались в форме некоторых слов между мягкими и твердыми произношениями и написаниями, особенно в слогах **ры, ри.**

Так, Пушкин часто писал: **скрыц, скрипит**, у Тургенева и Толстого находим: **брычка**, Белинский писал: **Александринский театр** и т. д.

Теперь прочно остановились на одной какой-либо форме, и старые, находившие себе опору в народном произношении, не допускаются в литературном языке.

В наше время употребляются только формы: **скрип, скрипка, скрипеть, брычка, Александринский, расстрижение, кринка, криница, дырявый, крыльцо**».

Несколько далее В. И. Чернышев говорит: «Так как в современном употреблении правильные формы родительного на -у нередко подменяются новыми мнимогамными формами на -а, то следует рекомендовать формы родительного на -у в выражениях, подобных много воздуха, **принос картофелю, засеяли клеверу, мало меду, купи перцу, налил портвейну, купил ситцу, поел супу и сыру, занял хмелю, бутылка хересу, привез цементу, хочу черносливу, чашка шоколаду, много шелку**».

По авторитетному мнению В. И. Чернышева, в современном литературном языке в именительном (и винительном) падеже множественного числа имеют окончание **-а, -я** вместо **-ы, -и** следующие имена существительные мужского рода: **баса, боцмана, грифеля, дякона, кителя, колера, конюха, лекаря, маклера, писаря, редактора, ректора, струга, фельдшера, фельдъегеря, штемпеля, штурмана, щеголя, ястреба.**

Попробуем непредвзято взглянуть на рекомендации В. И. Чернышева. Да, и теперь, в 80-е годы XX столетия, норма требует произношения **скрип, скрипка, бричка, Александринский, крыльцо**, а не **скрып, скрыпка, брычка, Александрынский, крыльцо**. Значит, старая норма ушла, новая прочно утвердилась..

Но едва ли мы безоговорочно согласимся с рекомендацией писать и говорить много воздуха (не лучше ли — много воздуха?), принес картофелю (а почему бы не принес картофеля?), засеяли клеверу (разве хуже — засеяли клевера?), купил ситцу (а может быть, предпочесть — купил ситца?), чашка шоколаду (видимо, правильнее — чашка шоколада).

И совсем невозможно согласиться с рекомендацией писать и говорить аптекаря, дисканта, консула, лопмана, офицера, пристава, присика, промысла, слесаря, служителя, фактора, фельдфебеля, цензора, циркуля и т. д.

Что же произошло? Почему мы не соглашаемся с рекомендациями серьезного, вдумчивого специалиста — знатока русской литературы XIX века, а значит, и закрепленных ею литературных норм?

Исторически формы родительного падежа имен существительных мужского рода давным-давно используют конкурирующие окончания **-а** и **-у**. Иначе говоря, давным-давно борются две нормы, охватывая, правда, небольшой круг имен, но имен активных. Окончание **-у** в начале XX века было более сильным в разговорном стиле, окончание **-а** — в стилях книжных.

Подобное же размежевание (хотя очень непоследовательное) было свойственно и окончаниям именительного падежа множественного числа (а также падежа винительного) **-ы, -и** и **-а, -я** в существительных мужского рода (хотя круг этих существительных также не очень велик). Окончание **-ы, -и** более старое и книжное, окончание **-а, -я** более молодое и разговорное.

В. И. Чернышев признавал: «Употребление в большинстве случаев давно узаконило приведенные выше нормы с окончанием **-а (-я)** вместо **-ы (-и)** в именительном падеже множественного числа имен мужского рода. Относительно редких словоупотреблений мы уже сделали необходимые оговорки. Если взять самое близкое к нам время, то мы увидим полное господство в языке приведенных выше форм на **-а**». И ниже: «Возникает вопрос, каких форм нам держаться в употреблении? Мы видим вообще поступательное движение и победу новых форм с **-а, -я** над формами с **-ы, -и**, и это дает нам основание смело держаться новых форм, если мы усвоили их употребление. Ведь и формы века, дома, края, паруса, писаря, пояса, учителя, рога, снега лет сто тому назад должны были казаться вульгарными, малограмотными».

Но ведь не получилось так, как предсказывал В. И. Чернышев, хотя лингвистическая «футурология» крупного ученого как будто была безупречной, потому что опиралась на один из сильных, выраженных процессов исторических изменений в функционировании форм имени существительного. И в наши дни нередко приходится читать оптимистические заявления о том, что на базе знания прошлой истории языка можно предугадывать его будущее. Возможно, и так. Однако на практике пока это не получается — даже в таком, казалось бы, частном и ясном случае, как борьба окончаний **-ы, -а** в именительном и винительном падежах множественного числа существительных мужского рода.

В чем же ошибка автора работы «Правильность и чистота русской речи»? В том, прежде всего, что тенденцию к изменению нормы он принял за победу нормы новой. А победы не произошло. Ее нет и сейчас. Почему? Видимо, потому, что нормы сохраняются и меняются в зависимости от многих условий, в частности от степени влияния книги на общество и от степени влияния разных языковых стилей на речевую деятельность людей.

В первой половине XX столетия влияние книги непрерывно росло, в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции, росла престижность литературы, печатного слова, т. е. литературно-книжного варианта языка. Вместе с этим росло и влияние на речевое сознание общества книжных стилей, в частности научного, делового, публицистического. Естественно, влияние разговорного стиля, на что

ориентировался В. И. Чернышев, уменьшалось, а вместе с этим падала и «престижность» разговорно-просторечных окончаний **-а, -я**. В результате мы признаем в 1981 г. правильными формы **консулы, лодманы, офицеры, цензоры, прииски, промыслы, циркули** и т. д.

Таким образом, даже беглые наблюдения условий, в которых функционируют и меняются нормы литературного языка, обнаруживают, что эти условия различны и сами подвержены историческим переменам. Это и когда-то очень сильные, а ныне угасающие диалекты, это и изменение состава населения культурных, политических и административных центров страны, это и распространение грамотности, это и овладение литературным языком и его стилями, это и так называемая кодификация самой литературной нормы.

Кодификация литературной нормы — это ее официальное признание и описание в грамматиках, словарях, справочниках, имеющих авторитет во мнении общества. Кодифицированная норма прочнее некодифицированной, в особенности если кодификация известна широким кругам населения. Кодификация открывает возможность обеспечить большую устойчивость нормы, предотвратить полустихийные и как будто не контролируемые ее изменения. Об этих возможностях кодификации можно судить по следующим двум примерам:

а) разговорная речь упорно навязывает носителям литературного языка ударение **звѳнишь, звѳнит, звѳните, позвѳнишь, позвѳните** и т. д.; такое именно ударение поддерживается законом аналогии: мы произносим **хѳдишь, хѳдит, нѳсишь, нѳсит, прѳсишь, прѳсит**, глаголы **ходить, носить, просить, звонить** имеют вполне сходное строение, так почему же нужно произносить **звѳнишь, звѳнит** и т. д.? Тем не менее, несмотря на сильнейшее давление разговорной речи и наличную в самом языке базу, опору для переноса ударения в глаголе **звонить**, правильным надо признать **звѳнишь, звѳнит, звѳним, звѳните, звѳнят, позвѳню, позвѳнишь** и т. д. Почему? Потому что таково предписание кодифицированной нормы, опирающейся не только на указания грамматик и словарей, но и на авторитет классической русской литературы, на престиж артистов наиболее известных театров и т. д.;

б) под воздействием принятого цифрового обозначения числительных в печатных текстах мы испытываем затруд-

вения в склонении имен числительных. Как нужно произнести количественное числительное, если в тексте напечатано: «Колхозы района продали государству дополнительно более 275 000 пудов хлеба»? Не каждый читающий вслух такой текст произнесет имя числительное правильно, т. е. — «более двухсот семидесяти пяти тысяч». Один прочтёт так, другой — ещё как-нибудь. Нарушается норма, наносится ущерб единству языка — пусть и незначительный. А ради чего, собственно, допускать расшатывание языка, подрывать его нормы? Ведь эти нормы кодифицированы.

Но как же быть в тех случаях, когда одна норма силой социальных влияний заменяется другой нормой? В период замены принять обе нормы, кодифицировать обе, и дать времени делать его дело.

Как правильно — **многочислен** или **многочисленен**, **невежествен** или **невежественен**, **ответствен** или **ответственен**, **мужествен** или **мужественен**?

Толковые и специальные (показывающие ударение) словари почти единодушны: правильно — **невежествен**, **многочислен**, **ответствен**, **мужествен**. Но вот словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) даёт и **мужествен** и **мужественен** (предупреждая читателя: вторая форма «реже»); **невежествен** и **невежественен** (с тем же предупреждением); только **многочислен**; **ответствен** и **ответственен** (читатель предупреждается: вторая форма — устаревшая).

Почему возникают вопросы, как же правильно, и почему составители словарей не вполне единодушны?

Видимо, дело в том, что в современном русском литературном языке есть две очень похожие одна на другую, по сути своей разные формы — форма страдательного причастия, завершаемая звуками и буквами **-нный**, и форма имени прилагательного, завершаемая теми же звуками и буквами.

Вот причастия: **выписанный**, **выхоженный**, **отозванный**, **предусмотренный**, **прочитанный**.

А вот имена прилагательные: **безбоязненный**, **дерзновенный**, **неизменный**, **непреклонный**, **пустынный**.

Краткие формы причастий несколько отличаются от кратких форм имен прилагательных: **прочитан**, **прочитана**, **прочитано**, **прочитаны**, но **пустынен**, **пустынна**, **пустынно**, **пустыни-**

ны. Как видим, отличие лишь в образовании формы мужского рода единственного числа: причастие завершается суффиксальным звуком -н, имя прилагательное — суффиксальными звуками -нен (один из них, гласный, — это наследие далекого прошлого: он возник из редуцированного звука ъ, находившегося в составе суффикса и стоявшего в сильной позиции).

Одним из результатов возникшего исторически звукового сходства «исходов» имен прилагательных на -нный и страдательных причастий на -нный стало их взаимное влияние. И если бы этого влияния не было, мы, не колеблясь, получали бы краткие формы прилагательных мужественный или дерзновенный: мужественен, дерзновенен. Но причастия, оказывая воздействие на похожие имена прилагательные, отнимают у них последние два звука, и мы говорим (или пишем) мужествен, дерзновен по аналогии с причастиями облуплен, насуплен, настроен, доверен, наезжен. Вместе с тем и прилагательные оказывают влияние на причастия: это влияние сказывается не только в том, что многие причастия «окачествляются» в своей семантике, но и, получив качественное значение, начинают изменять свои формы, как имена прилагательные: вот почему форму мужского рода (краткую) слова **определенный** мы склонны образовать по образцу прилагательного: **определен**; а ту же форму слова **неожиданный** можем получить в виде **неожиданен**.

Для того чтобы яснее представить себе, под влиянием каких сил образуются краткие формы мужского рода в прилагательных типа мужественный, невежественный, полезно обратить внимание и на следующее обстоятельство.

Имена прилагательные, завершаемые в основе суффиксальным звуком после согласного, как правило, образуют краткую форму мужского рода на -ен: способный — способен, ущербный — ущербен, дружелюбный — дружелюбен, забавный — забавен, урожайный — урожаен, бескрайный — бескраен, необычайный — необычаен, идейный — идеен и т. д.

Вспомогательным вниманием в возникшую перед нами картину: регулярно, без каких-либо исключений, краткие формы мужского рода завершаются звуками -ен, если в полной форме перед суффиксом -н идет согласный звук. Но ведь н — тоже согласный. Если он идет перед суффиксальным н, получается два н, т. е. возникают как раз те имена прилагательных,

тельные, которые смущают и составителей словарей, и тех, кто говорит и пишет, зная или не зная, что лексикографы рекомендуют.

И действительно, во многих случаях, когда перед нами полное имя прилагательное на -нный, мы и не сомневаемся, что в краткой форме мужского рода на конце должно быть звуковое сочетание -нен: ведь перед -ен должен стоять согласный звук основы, а в наших основах это звук -н. Вот несколько примеров: подлинный — подлинен, бесталанный — бесталанен, желанный — желанен, жеманный — жеманен, гуманный — гуманен, туманный — туманен, странный — странен, непрестанный — непрестанен, неустанный — неустанен, самозабвенный — самозабвенен, вдохновенный — вдохновенен (между прочим, словари признают эту форму, но отвергают совершенно аналогичную сокровенен), обыденный — обыденен, современный — современен, бессменный — бессменен, неизменный — неизменен, несравненный — несравненен, неизменный — безболезнен, безбоязненный — безбоязнен, пустынный — пустынен, безымянный — безымяннен и др.

Мы вынуждены были взять этот довольно большой ряд имен прилагательных для того, чтобы отчетливо проступило действие сильной закономерности, которую не хотят видеть (или не видят) составители многих справочников и словарей. Влияние другой закономерности — со стороны причастий — может только колебать норму, но не может ее уничтожить.

А норма эта такова: если в полной форме имени прилагательного, в исходе основы, идут два звука (н) (им на письме соответствуют две буквы н), то в краткой форме мужского рода, на конце ее, должны быть звуки (нен). Не видно никаких особых причин (кроме указанного ранее влияния страдательных причастий), которые оправдывали бы отступление от общего правила; колебания нормы, конечно, возможны.

Вот почему можно рекомендовать в трудных случаях говорить и писать по общему правилу, включая и такие имена прилагательные, которые словарями выделяются из общего ряда и пишутся в этих словарях с одной буквой н на конце: мужествен, невежествен и т. д. Если соблюдать общую тенденцию, хорошо выявленную в литературном языке на-

ших дней, то можно допустить (не исключено, что и предпочтень) — мужественен, ответственный, невежественен, дерзновенен и т. д.

В наших выступлениях на собраниях и заседаниях, в корреспонденциях, публикуемых районными газетами, нередко встречаются высказывания вроде: «Ветлужский район в дорожном строительстве добился более лучших успехов, чем его соседи», «Завод имеет в этом квартале более лучшие показатели, чем в прошлом». В этих и им подобных высказываниях нарушена норма образования сравнительной степени: не нужно было говорить (или писать) «более лучших», достаточно было — **лучших**.

Почему? Потому что сравнительная степень образуется либо с помощью суффикса **-ее** (**добрее, смелее, теплее**), либо аналитически, с помощью слова **более** (**более добрый, более смелый, более теплый**). В этот ряд входит и форма **лучший**, очень древняя, образованная не по современному правилу, но имеющая то же значение, что и форма **более хороший**.

Нам известно, что сравнительная степень (**добрее, смелее, теплее**) означает, что какой-то признак свойствен одному предмету в большей мере, чем другому: «ребенок **добрее** взрослого», «лето **теплее** весны», «небо **синее** воды». Превосходная степень (**самый добрый, самый теплый, самый синий**) означает, что какой-то признак одному предмету какого-то их круга свойствен в большей мере, чем всем остальным («Волга — самая длинная река Европы»; «Секвойя — самое долголетнее дерево на земле»; «Единица — самое меньшее целое положительное число»).

Как будто все это нам известно: все учились в школе. Однако мы часто забываем о том, что степени сравнения можно употреблять лишь в таких высказываниях, из содержания которых совершенно ясно, что с чем сравнивается по «количеству» одного и того же признака. Поэтому нельзя, неправильно говорить и писать так: «Наш завод оказался **более передовым**» (с чем сравнивается наш завод?), «Гоголь создал **более реалистические образы**» (по сравнению с кем?). Каждое из этих высказываний требует исправления в соответствии со значением сравнительной степени имен прилагательных **передовой, реалистический**: «Наш завод оказался **более передовым**, чем завод «Красный факел»; «Гоголь создал **более реалистические образы**, чем Фонвизин».

Однажды в газетной заметке промелькнула такая фраза: «Секвойя — величайшее хвойное дерево на земле». На первый взгляд здесь все на месте, все правильно, указано, что с чем сравнивается (секвойя и все остальные хвойные деревья). И все же сравнительная степень подвела автора: возникла мало заметная фактическая и логическая ошибка: ведь секвойя — самое крупное дерево не только среди хвойных, а вообще среди всех деревьев современного мира.

Аналитические формы **более теплый и самый умный** (разумеется, и все им подобные по образованию) возникают в процессе речи легче и применяются активнее своих синтетических двойников.

Эти синтетические двойники требуют очень бережного с ними обращения, в противном случае они не прочь сыграть с нами злую шутку. Так, формы **ближайший, важнейший, крупнейший, мельчайший, умнейший** и другие, оказывается, могут обозначать вовсе не **самый близкий, самый важный, самый крупный, самый мелкий, самый умный**, а просто **близкий**, («В ближайшее время заказ ваш будет выполнен»), очень **важный** («Хорошие знания — важнейшее условие работы на сложном станке-автомате»), очень **крупный** («Наши конькобежцы одержали новую крупнейшую победу»), очень **мелкий** («Мельчайшие пылинки плавали в лучах солнца»), очень **умный** («Наш главный инженер — умнейший человек»). В этих случаях признак, обозначенный формой имени прилагательного, берется в одном предмете безотносительно к его «количеству» в других, ни с чем не сравнивается. А это побуждает (и понуждает) тех, кто говорит или пишет, семь раз примерить и один отрезать, т. е. хорошенько подумать, прежде чем применить по видимости превосходную степень имени прилагательного, — подумать о том, достаточно ли отчетливо будет выражено значение прилагательного, не возникнет ли двусмысленности.

Одним из слабых участков морфологической системы норм в современном русском литературном языке стали имена числительные, и прежде всего надо говорить о склонении числительных количественных.

Почему же эти распространенные в речи и нужные слова перестают повиноваться предписаниям грамматики? Представим себе, что мы читаем такое высказывание: «2345 рублей было достаточно для оплаты расходов на перевозку гру-

за». Начиная чтение этого высказывания вслух или «проговаривание» его про себя, мы легко, естественно и незаметно впадаем в ошибку: за цифрами 2345 угадываем не то, что за ними скрыто, — угадываем именительный падеж, а не родительный просто потому, что привыкли каждое слово представлять себе в его «начальной», или «исходной», форме, т. е. в именительном падеже. Мы, разумеется, быстро замечаем, что падеж не именительный, но обдумывать, как же нужно изменить целых четыре части одного числительного (две тысячи триста сорок пять), нам не хочется или мы не успеваем. Вот и получается: «Две тысячи триста сорок пять рублей...» или несколько лучше: «Две тысячи триста сорока пять рублей...»

Кроме того, на «поведение» составных количественных имен числительных влияет и вторая физиологическая причина: некоторые числительные «трудно» изменяются по падежам, т. е. мы вырабатываем навыки изменения формы таких числительных с известными затруднениями. Учителя хорошо знают, что слова **три, четыре, сорок, девяносто, двести, триста, четыреста** очень часто не поддаются ученикам, в особенности тем, у кого не хватает настойчивости и терпения, да и желания справиться с трудностью. Такие ученики кое-как одолевают премудрости образования падежных форм «трудного» слова **девяносто** или **четыреста**.

А в результате получается, что кое-кто из выступающих на собрании или заседании вместо «двух тысяч трехсот восьмидесяти пяти» говорит «две тысячи триста восемьдесят пяти», а вместо «тремястами девяноста тремя» — «триста девяносто тремя» (да и последняя часть этого числительного может оказаться искаженной).

Образцовая по языку литература, наука, высокого качества лекционная пропаганда пока не признают (и не видят, почему бы нужно было признать в будущем) «упрямства» имен числительных, а точнее — нашего нежелания или неумения выработать, отшлифовать нужные речевые навыки.

Точность. Точность издавна осознается как одно из главных достоинств речи. Уже в античных руководствах по красноречию первым и основным требованием, предъявляемым к речи, было требование ясности. Содержание, которое вкладывалось древними теоретиками в это понятие, во многом сходно с современным понятием точности.

Точность как качество речи всегда связывалась с умением ясно мыслить, со знанием предмета речи (предметно-вещной действительности), со знанием значений слов.

Что же такое точность как коммуникативное качество хорошей речи?

Точность можно определить на основе соотношения «речь — действительность» и «речь — мышление». Точность речи — это прежде всего строгое соответствие слов обозначаемым предметам (явлениям) действительности. Допустимо и иное понимание точности как соответствия между общепринятым значением слова и его применением в речи. Но дело в том, что такое соответствие устанавливается и проверяется на основании соотношения «слово в речи — предмет» и вне этого соотношения не осознается.

Эти определения отчетливо показывают, что точность как качество речи связывается прежде всего с лексическим уровнем в системе языка. Чтобы речь была точной, слова должны употребляться в полном соответствии с теми значениями, которые за ними закреплены в системе языка.

Правильность и точность — два разных качества речевых структур, и возникают они на основе разных связей речи с другими системами.

Правильность как качество речи понимается на основе связи «речь — язык». Она опирается исключительно на лингвистические факторы. Правильной является речь, структура которой соответствует нормам литературного языка.

Точность как качество речи опирается на иные отношения. Эта категория основана на связях речь — действительность, слово — предмет. В устном и письменном общении говорящий стремится достичь соответствия между словами и обозначаемой действительностью, как можно точнее словесно обозначить воспринимаемую ситуацию, явление.

Есть все основания различать два вида точности: точность предметную и точность понятийную.

Точность предметная задается связью речь — действительность и состоит в соответствии содержания речи тому кругу предметов, явлений действительности, которые речью отображаются. В речи должны верно обозначаться явления жизни, предметы и события действительности, о которых сообщается. А для этого человек обязан хорошо знать то, о чем он говорит. Предмет речи должен быть познан глубоко.

ко — в его сущностных свойствах и в его разнообразных направлениях.

Всестороннее знание предмета речи — это важнейшее условие создания предметно точной речи. Речевые неточности, вызванные незнанием или полужнанием предмета речи (или просто небрежностью, невнимательностью), особенно неприятны и непростительны, а между тем они не так уж редки даже в произведениях художественной литературы.

Один из персонажей романа Юлиана Семенова «Горение», «после того как у него во время митинга украли револьвер, носил теперь два... набил карманы пулями».

«Неужели человек, готовый к вооруженной защите, будет носить пули отдельно, гильзы отдельно, порох отдельно... По-видимому, все-таки карманы у него были набиты не пулями, а патронами», — справедливо недоумевает читатель М. Кириллин (ЛГ, 1977, № 24).

На страницах «Литературной газеты» регулярно появляются материалы о замеченных неточностях, ошибках в произведениях художественной литературы (рубрики «Почта крохобора», «Заметки крохобора», «Увы, написано пером»).

Под девизом «Точность — вежливость писателя» была проведена (на материале редакционной почты) заочная читательская конференция (ЛГ, 1977, № 8). Читатели справедливо считают, что нельзя проходить мимо очевидных ошибок и неясностей, объясняемых небрежностью автора и нетребовательностью редактора. «Даже такой мастер, как Василий Белов, обыкновенно выверяющий каждую деталь, каждый штрих в своих произведениях, может сказать в рассказе «Чок-получок» (Дружба народов, 1976, № 10), например: «В барабане браунинга семь патронов», — словно бы и не зная о том, что в браунинге никакого барабана нет. Столь же... неточен и молодой прозаик В. Кондрашов, описывающий в повести «Рыжий — не рыжий» (Юность, 1976, № 1), как «вагонные слесари... постукивают молотком по чугунным колесам. А ведь колеса вагонов, к счастью для пассажиров, изготовляют из стали», — пишет читатель из Москвы Т. Южный (ЛГ, 1977, № 5).

Итак, «точность — вежливость писателя». Это, несомненно, верно. Ведь одна неточная деталь может испортить художественное произведение, разрушить или значительно уменьшить эстетическое впечатление от него. Неточность, за-

меченная читателем, подрывает доверие к писателю, при этом теряется ощущение достоверности описанного, разрушается тот аналог действительности (вторая реальность), которая создается в художественном произведении. Но ведь отсутствие предметной точности, как результат познания или полужнания объекта речи, мешает общению не только в художественной литературе. Разве не обязан быть предельно точным учитель, объясняющий урок, журналист, печатающий статью или очерк, ученый в своих работах? А взрослые люди, отвечающие на бесчисленные детские «почему», — разве не должны они быть точными и, расширяя представления ребенка о мире, не давать ему ошибочных, псевдных сведений о действительности? А для этого нужны знания. Значит, одна из первых заповедей человека, стремящегося быть точным в своей речи (а к этому должен стремиться в идеале каждый говорящий), — «Хорошо знай то, о чем говоришь!».

Но слово отражает не только предмет, оно отражает (выражает) и мысль, работу нашего сознания. Одной предметной точности недостаточно, чтобы речь во всех ее проявлениях была точной. Существует еще и точность понятийная, как соответствие содержания речи той системе понятий, которая в ней обозначена. Именно об этом говорил Л. Н. Толстой: «Слово — выражение мысли... и поэтому слово должно соответствовать тому, что оно выражает. Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия».

Л о г и ч н о с т ь. Логичность как качество речи тесно связана с точностью, но вместе с тем достаточно четко отличается от нее. Логичность речи основана прежде всего на связи речь — мышление. Семантические связи между элементами логичной речи не противоречат законам логики. Ясность элементов речевой структуры способствует незатрудненному ее пониманию. Точность (и предметная, и понятийная) является как бы предварительным условием логичности. Неточная речь не может быть логичной. Точность достигается соответствием структуры речи той предметно-вещной действительности и той совокупности понятий, которые выражены речью. И это соответствие устанавливается на уровне слова (слово — предмет; слово — понятие). Важнейшее лингви-

стическое условие достижения точности речи — строгое соответствие употребления слов их значениям. Если этого нет, речь не будет точной, не будет она и логичной.

Логичность может быть нарушена и при строгом употреблении слов. Логичность как качество речи выводит нас за пределы слова и вводит в пределы высказывания как единицы речи, в область синтаксиса. При оценке логичности особенно важно слышать и видеть (на письме) то целое, которое возникает при соединении слов. Причем это целое оценивается и в пределах одного высказывания, и в пределах текста. Для достижения логичности следует добиться смысловой непротиворечивости частей в одном высказывании и такой же непротиворечивости высказываний в целом тексте. И если точность связана с лексическим уровнем, то логичность связана с синтаксической организацией как высказывания, так и текста, с их композицией. Доклад, лекция, научная статья, школьное сочинение, объяснительная записка, отчет, газетная статья, очерк — все эти виды речевых произведений тяготеют к трехчастному построению как наиболее удачному способу организации передаваемого содержания. Трехчастная композиция наиболее соответствует логике выражения мысли.

Вступление, или вводная часть, необходима, чтобы подготовить читателя или слушателя к восприятию основного содержания, ввести его в тему сообщения. Наличие вводной части, не содержащей основной информации, оправданно и психологически — читающему или слушающему нужно время, чтобы мобилизовать, активизировать внимание, подготовиться к восприятию наиболее важной информации. Структура вводной части, ее объем и удельный вес в целом тексте варьируются весьма существенно в разных типах речи, в разных речевых жанрах.

Основная часть содержит изложение основного содержания данного текста. Эта часть наиболее значительна по объему и наиболее значима, ответственна в процессе коммуникации. Строгая логическая организация этой части, последовательность в развитии мысли и ее изложении, доказательств положений, связанность всех высказываний в единое смысловое целое — все эти требования логического оформления текста здесь максимально значимы.

Заключение закрывает композиционную рамку текста:

«Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом... Конец — разрешение всей речи... конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали... что дальше говорить нечего», — писал А. Ф. Кони.

Цельность и стройность логической организации текста, четко выраженные переходы от одной части к другой — все это поможет создать речевое произведение органично цельное, внутренне стройное и завершенное. Именно о такой цельности замечательно сказал Платон: «Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, — у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому».

Логичность как общее коммуникативное качество свойственно любому типу речи, ибо она опирается на связь язык — мышление, а законы мышления одинаковы для всех людей и для всех коммуникативных ситуаций. Но проявляется это речевое качество весьма специфично — в зависимости от конкретных условий коммуникации. Своеобразно преломляется логичность как речевое качество в тех структурно-функциональных вариантах языка, которые называются его функциональными стилями. Требования, предъявляемые речи со стороны ее логичности, особенно высоки в научном стиле. Научное изложение наиболее жестко подчинено законам логики.

Чистота. Чистой мы называем такую речь, в которой нет чуждых литературному языку элементов (прежде всего слов и словосочетаний) и нет элементов языка, отвергаемых нормами нравственности; правда, вторая часть нашего определения могла бы и не формулироваться, потому что в литературный язык общество обычно не допускает слов, если на выражаемые ими понятия наложено социальное *vetó*.

Чистота речи давно беспокоит больших писателей, ученых-филологов, педагогов, пропагандистов социалистической культуры.

Советское общество заинтересовано в осуществлении широкой системы образовательных и воспитательных мер, целью которых является развитие общей и речевой культуры человека, в частности искоренение из речи людей языковых средств, которые разрушают ее чистоту.

Какие же это средства? Это так называемые диалектиз-

мы, т. е. слова и другие знаки языка, свойственные не общему языку народа (в наши дни — языку литературному), а местным говорам, или диалектам. Это, далее, так называемые варваризмы, т. е. включаемые в речь безо всякой надобности иноязычные слова и словосочетания. Это так называемые жаргонизмы, т. е. слова и словесные обороты, возникающие и применяемые в жаргонах — узкогрупповых «ответвлениях» от языка народа, обслуживающих замкнутые в пределах группы потребности общения. К числу средств, чуждых литературному языку и требованиям нравственности, принадлежат так называемые вульгаризмы, т. е. слова и выражения, грубо, вульгарно обозначающие какой-то круг предметов и явлений жизни и унижающие достоинство и честь человека. К числу этих средств относятся бранные слова и обороты речи, прямо и недвусмысленно оскорбляющие людей. Наконец, перечисляя средства языка, засоряющие речь, нужно назвать и слова-паразиты, каждое из которых само по себе не вызывает никакого осуждения, однако навязчивое, частое повторение таких слов в речи делает их чуждыми задачам общения.

Особого обдумывания, в связи с вопросом о чистоте речи, требует применение в ней так называемых канцеляризов, т. е. слов и оборотов, типичных для делового стиля, но лишние, ненужные в других языковых стилях, в особенности в стиле художественном и разговорно-бытовом (см. о них в статье второй настоящего сборника).

Об отношении к употреблению в литературной русской речи иноязычных слов говорилось не раз — и очень авторитетными представителями науки, литературы и общественной жизни. Так, В. Г. Белинский писал: «Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противна здравому смыслу и здравому вкусу, но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею. Но противоположная крайность, т. е. неумеренный пуризм, производит те же следствия, потому что крайности сходятся. Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица. У языка есть хранитель надежный и верный: это — его же собственный дух, гений. Вот почему из множества вводимых иностранных слов удерживаются только немногие, а остальные сами собою исчезают».

Интересен взгляд на иностранное слово в русской речи молодого Л. Толстого: «Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело».

По-видимому, вот это «ежели хочешь блеснуть» и побуждает многих пишущих и говорящих, особенно на темы газетно-публицистические и научные, вставлять в речь без всякой необходимости иноязычную лексику, несмотря на то, что она мешает общению, в особенности если применяется в неотчетливом значении.

Вот авторитетное мнение А. М. Горького: «Было бы, пожалуй, гораздо полезней, если б все мы писали проще, экономнее, так, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно», а не так, например: «...мы должны отвергнуть тенденцию к аполитации дискуссии». Ведь можно сказать менее премудро: мы отвергаем намерение устранить политику из наших споров. Нет ничего такого, что нельзя было бы уложить в простые и ясные слова. В. И. Ленин неопровержимо доказывал это». Чистая речь нужна нам так же, как и чистый воздух, — нужна для того, чтобы легче жилось и дышалось. Объяснить это людям — задача науки и школы, задача радио, телевидения и печати.

Выразительность. Речевой опыт подсказывает нам, что по степени воздействия на наше сознание речь очень неодинакова. На одну и ту же тему могут быть прочитаны и читаются несколько лекций, могут быть проведены и проводятся несколько пропагандистских бесед или уроков, могут быть написаны и пишутся несколько деловых документов. И мы знаем, что одна лекция будет слушаться со вниманием и даже с интересом, а другая на ту же тему будет вызывать скуку, а то и раздражение. Одна пропагандистская беседа захватит слушателей, другая на ту же тему — оставит их безразличными. Это говорит нам речевой опыт. Конечно, если сказанное подвергнуть анализу, то окажется, что степень воздействия на наше сознание различных текстов зависит от многих причин и условий (логика, доказательность, новизна темы и информации, психологическая установка автора на воздействие или ее отсутствие и т. д.); и в ряду этих многих причин и условий — свойства и особенности структуры речи, причем их роль может быть решающей.

Выразительностью речи называются такие особенности ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя; соответственно речь, обладающая этими особенностями, и будет называться выразительной.

Применительно к отдельному человеку можно думать об основных условиях, от которых зависит выразительность его речи.

Первое условие — самостоятельность мышления автора речи. Если думаешь только по шпаргалке, а чувствуешь по шаблону и стандарту, не удивляйся тому, что шпаргалочное мышление и шаблонное чувство не позволяют пробиться на свет божий робким росткам выразительности. Преподаватели вузов знают, как унылы и невыразительны бывают порой студенческие ответы, как правило, потому, что студент не освоил учебный материал, не переработал вычитанные идеи, не сделал их своими; мышление такого студента — мышление на базе работы памяти, а не результат глубокого осознанного освоения тех или иных идей и решений. К сожалению, несамостоятельность мышления свойственна и людям, которым это категорически запрещено их деятельностью — пропагандистам, преподавателям, журналистам, администраторам, даже — писателям.

Второе условие — равнодушие, интерес автора речи к тому, о чем он говорит или пишет, к тому, что он говорит или пишет, и к тем, для кого он говорит или пишет.

Можно ли представить себе равнодушным Пушкина? А Блока и Маяковского? Л. Толстого и М. Горького? Мы хорошо знаем, как заинтересованно и страстно воспринимал жизнь Владимир Ильич Ленин, и мы знаем, как выразительна была его публичная, обращенная к людям — друзьям и врагам — речь.

Опутанный равнодушием лектор, пропагандист, журналист или учитель, попавший в паутину равнодушия общественный или административный руководитель — все они говорят «без души», по шаблону, по общепринятому образцу, не желая и не умея ни в чем этот образец улучшить, изменить, от него отступить.

А жизнь хочет отказа от равнодушия, она хочет пыливости работы вашего сознания — и поисков, поисков, поисков выразительности. Это нужно партийной пропаганде, агитации, это нужно преподаванию и воспитанию.

Третье условие — хорошее знание языка, его выразительных возможностей. Такое знание редко достигается без помощи науки о языке. Вот почему желательно широкое лингвистическое просвещение специалистов-негуманитариев, нужна хорошо поставленная пропаганда знаний о языке в среде рабочих, крестьян и интеллигенции.

О чем и что нужно знать? О звуках и их выразительных возможностях. Об ударении и его выразительных свойствах. О словах и их воздействии на речевую выразительность. Об образовании слов, о частях речи, о предложениях и их членах, об интонации — но все под тем же углом зрения: выразительность!

Четвертое условие — хорошее знание свойств и особенностей языковых стилей — художественного, научного, публицистического, делового, разговорно-бытового. Каждый из этих стилей налагает свой отпечаток на отдельные группы и слои средств языка, которые, таким образом, оказываются стилистически окрашенными. Эта окрашенность предоставляет очень большие возможности авторам речи и в усилении речевой выразительности. Но может эту выразительность и потеснить, уменьшить, ослабить — из-за неуместного вторжения непригодных к случаю стилевых элементов.

Кроме того, выразительность разных стилей речи достигается не одними и теми же средствами — она специфична в каждом языковом стиле.

Пятое условие — систематическая и осознанная тренировка речевых навыков. Знание должно перейти в навык. Когда мы говорим, мы не можем перемежать речь большими паузами, нужными для подбора тех средств языка, которые могут стать выразительными, должен срабатывать навык и выдавать нам то, что нужно, или хотя бы оберегать от таких языковых средств, которые выразительности мешают. Но как нужные нам навыки тренировать? Основное средство — внимательное к языку и стилю чтение образцовых текстов — художественных, научных, публицистических и иных; полезно внимательно вслушиваться в речь людей, которые умеют выразительно говорить. Нужно учиться контролировать свою речь, замечать, что в ней выразительно, а что шаблонно и серо. Навык самоконтроля необходим любому человеку, если он хочет постепенно улучшать свою речь вообще, а в частности — ее выразительность.

Шестое условие, тесно связанное с пятым, — сознательное намерение автора речи говорить и писать выразительно, психологическая целевая установка на выразительность. Нужно сказать себе: моя речь невыразительна, бедна и бледна, я буду говорить и писать ярче, выразительнее, для этого, если нужно, я познакомлюсь по книгам с выразительными средствами нашего языка (половицами, поговорками, крылатыми словами, метафорами и т. д.), я изучу их, овладею ими, приобрету навыки их использования в речи, научусь оценивать свою речь — выразительна ли она? — научусь устранять из нее все, что мешает выразительности.

Седьмое условие выразительности речи — объективное, языковое, не зависящее от воли, желаний, сознания отдельного человека. Это не что иное, как наличие в языке средств, способных сообщать речи качество выразительности.

Богатство (разнообразие). Одно из главных коммуникативных качеств речи — ее богатство или разнообразие. Оценочные слова «богатая» и «бедная» по отношению к речи применяют и ученые — филологи, и писатели, и литературные критики, и преподаватели высшей и средней школы. Видимо, полезно задуматься о том, какое реальное содержание этими оценочными словами обозначается и должно обозначаться, если словосочетания «богатство речи» или «разнообразие речи» применять как термины.

Прежде всего хочется (и принято) говорить о лексическом богатстве речи, которое проявляется в том, что непреднамеренные, не несущие специального коммуникативного задания повторения одних и тех же слов применяются в речи как можно реже. Этого можно достигнуть лишь при условии большого активного запаса слов: вспомним, что этот запас у Пушкина превышал 21 000 единиц, а у современного взрослого образованного человека не превышает, по некоторым данным, как правило, 10 000—12 000 единиц; немало людей, активный запас которых меньше названной величины, а людоедка Эллочка у Ильфа и Петрова, как известно, располагала примерно 30 словами! Конечно, активный лексический запас выдающихся современных писателей, ученых, политических деятелей велик, но нужны специальные, «авторские» словари, чтобы его объем знать точно.

Особый слой речевого богатства образует богатство фразеологическое (его можно рассматривать и как составную

часть лексического богатства), нашедшее ярчайшее и немеркнущее проявление в речи басен И. А. Крылова.

Пристальное внимание ученых привлекает к себе семантическое богатство речи, выявляемое разнообразием и обновлением словесных связей, лексической синтагматики. Еще в начале XIX века А. С. Пушкин заметил: «...разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно проявляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет: мысли же могут быть разнообразны до бесконечности».

Однако именно этот источник обогащения речи очень часто остается неиспользованным, а многие пишущие и говорящие проходят мимо него, не замечая ни его существования, ни нудного, серого однообразия и бедности своей речи, насыщенной повторениями речевых стандартов, готовых словесных блоков, иссушающих живую мысль и чувство.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979) говорится: «Большим недостатком, существенно снижающим эффективность воздействия воспитательной работы на сознание и чувства людей, являются нередко встречающиеся формализм, склонность к словесной трескотне, всякого рода пропагандистским штампам, серый, «казенный» стиль материалов, многократное механическое повторение общих истин вместо их творческого осмысления, поиска живой и доходчивой формы».

Одной из главных причин, порождающих и поддерживающих словесную трескотню, штампы, серость и казенщину стиля, является бедность речи пропагандистов и агитаторов, неумение пользоваться семантическими связями слов и возможностью их обновления.

Коммуникативное качество — богатство речи — в разных языковых стилях выявлено в неодинаковой степени и «сформировано» из свойственных ему пластов или слоев (лексический, семантический, синтаксический и др.) по-разному. Получается, таким образом, что языковые стили не только образуют питательную среду, поддерживающую или угнетающую речевое богатство, но и сами оказываются в большой зависимости от этого коммуникативного качества. Богатство речи становится, в известной мере и в известном

отношении, качеством стилеразличающим и стилеобразующим. Возникает потребность внимательно всмотреться в другие коммуникативные качества — не принимают ли и они участия в стилеразличении и стилеобразовании.

Правильность речи нужна всем стилям, и лишь в одном из них, а именно разговорно-бытовом, нормы литературного языка соблюдаются не так строго, как в остальных.

Точность и логичность также нужны всем стилям, хотя несколько видоизменяются применительно к стилю художественному и несколько «пошатываются» в стиле разговорно-бытовом.

Чистота — коммуникативное качество, необходимое в современном обществе всем стилям; правда, и в этом случае приходится говорить о менее строгом соблюдении требования чистоты речи именно в разговорно-бытовом стиле.

Уместность речи необходима во всех стилях.

И лишь выразительность речи оказывается в чем-то близкой речевому богатству — по участию в стилеразличении и стилеобразовании. Выразительность прежде всего нужна стилю художественному, им она поддерживается и развивается, его обслуживает. Но выразительность нужна и стилю разговорно-бытовому. В ней остро нуждается стиль публицистический. Она хороша и в стиле научном. Она присутствует даже в лучших образцах речи деловой. Ее участие в различении и образовании стилей очевидно, однако отчетливо выражено лишь в противопоставлении стилей художественного и разговорно-бытового остальным.

Уместность. В типологии качеств хорошей речи есть одно, которое занимает особое место по своей значимости, — это уместность.

Уместность — такой подбор, такая организация средств языка, которые делают речь отвечающей целям и условиям общения. Уместная речь соответствует теме сообщения, его логическому и эмоциональному содержанию, составу слушателей или читателей, информационным, воспитательным, эстетическим и иным задачам письменного или устного выступления.

Уместности как необходимому качеству хорошей речи уделялось большое внимание в ораторском искусстве древних греков и римлян, в теории и практике судебного и политического красноречия, уместность является одним из

центральных понятий в современной функциональной стилистике.

Уместность как важнейшее и необходимое качество хорошей речи высоко ставилась русскими филологами, судебными и политическими ораторами.

«В красноречии, — пишет В. Г. Белинский, — есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами». Есть разные типы ораторов: один «могущественно властвует над толпой силой своего бурного вдохновения; другой — вкрадчивой грацией изложения; третий — преимущественно проницательностью, насмешкой, остроумием; четвертый — последовательностью и ясностью изложения и т. д.». И что особенно подчеркивает В. Г. Белинский, «каждый из них говорит, соображаясь с предметом своей речи, с характером слушающей его толпы, с обстоятельствами настоящей минуты».

Много замечаний об уместности как необходимом качестве речи политического оратора находим мы в работах В. И. Ленина. «О республике, — писал В. И. Ленин в статье «О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы», — всякий с.-д., который держит где бы то ни было политическую речь, должен говорить всегда. Но о республике надо уметь говорить: о ней нельзя говорить одинаково на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе, с трибуны III Думы и со страниц зарубежного органа. Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой».

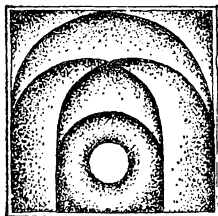
Общезвестны ленинские высказывания о неуместности вставлять в речь без надобности иностранные слова, неверные выражения, которые портят русский язык.

М. И. Калинин рекомендовал пропагандисту, например, на производственных совещаниях, на собраниях стараться выражать свою мысль, обращение, призыв путем рассуждения, доверительной беседы. «На тысячных митингах форма выступления будет иной: там каждая фраза должна быть короткой, строго очерчена, там трудно прибегать к форме собеседования».

Уместность речи — качество функциональное, в его основе лежит идея целевой установки высказывания. Уместность с этой точки зрения — адекватность примененных языковых средств целям высказывания.

Соблюдение уместности речи предполагает знание стилей литературного языка, закономерностей словоупотребления, свойственных им, знание стилистической системы языка. Уместность требует гибкости в определении приемлемости тех или иных качеств речи, языковых средств, речевого акта в целом. Наверное, впервые функциональное понимание уместности речи было сформулировано Пушкиным: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Уместность речи захватывает разные уровни языка и формируется употреблением слов, словосочетаний, грамматических категорий и форм, синтаксических конструкций, наконец, целых композиционно-речевых систем.

КАНЦЕЛЯРИЗМЫ И ШТАМПЫ

В самой этой теме есть уже нечто избитое. Теоретически она все еще недостаточно разработана, а однотипные публицистические выступления журналистов превращают ее в некий «вечный» и неразрешимый вопрос. Сколько ядовитых стрел сатиры и юмора выпущено против «канцелярита», «мертвой воды» — штампованной, унылой, стереотипной речи! А все равно приходится снова и снова говорить об опасностях словесных штампов, их устойчивости, живучести, заразительности. В чем же тут дело? Может быть, без штампов в определенных ситуациях вообще нельзя обойтись? А может быть, не всегда ясна разница между штампованной, т. е.

обесмысленной, речью и привычно-расхожими оборотами? Ведь штамп — это избитое выражение, которое теряет точный и конкретный смысл от частого употребления, но где же границы этой «частоты» и «избитости»?

Психологических причин появления штампов немало. Это — и боязнь аудитории, и опасность сказать что-то «не так», неправильно; это и внутренняя неуверенность от недостаточной подготовленности, и, наконец, своеобразное стремление к «плавности» речи во что бы то ни стало.

Однако есть тут и собственно лингвистические причины. Дело в том, что нельзя, невозможно все время говорить о новом и при этом выражаться только оригинально. Такую речь мы назовем манерной, ее не всегда легко слушать и понимать. В нормальной обстановке, в обычной речи мы всегда подготавливаем незнакомое путем обращения к чему-то уже известному слушателям. Иначе мы рискуем потерять взаимопонимание с аудиторией, да и сами можем легко утратить нить рассказа. В хорошей лекции обе эти линии уравновешены.

Значит, обе крайности плохи; опытный, умелый оратор и лектор одинаково избегают и нарочитого оригинальничанья, и избитых, затертых, серых выражений.

Многим кажется, что с трибуны, с кафедры, т. е. перед лицом большого собрания слушателей, нужны особые слова, особый стиль изложения. Да, так оно и есть. Ораторское выступление — вполне своеобразный жанр публицистики, со своими законами, требованиями, правилами. Дело лишь в том, что и здесь необходимы такт и языковое чутье. Они не позволяют обращаться ни к обесмысленным, семантически опустошенным от частого употребления оборотам речи, ни к «связочным» или «упаковочным» конструкциям.

Феномен трибуны, кафедры, феномен микрофона и т. п. известен всем опытным лекторам. Это, прежде всего, — болезнь неискушенного оратора, слабость тех, кто хочет говорить «по писаному», т. е. где-то прочитанному, по напечатанному и уж по одному по этому заведомо «правильному» тексту.

Каждый, наверное, замечал: в непринужденной обстановке, в дружеской беседе говорит человек живо и свободно, образно и точно. Но стоит ему выйти на трибуну, как и сам он, и речь его непостижимо быстро встают на ходули расхо-

жего штампа, выпренней, громкой, внешне «гладкой» фразы.

Писатель К. Г. Паустовский в статье «Живое и мертвое» рассказал о такого рода метаморфозах, которые происходили с одним его знакомым, остроумным и талантливым в жизни человеком.

«В одном из среднерусских сел, где мне пришлось жить, председателем сельсовета был некий Петин — маленький, милый, всегда чем-то взволнованный человек. Разговор Петина в обыденной жизни был полон метких слов, сравнений, прибауток, юмора. Но стоило ему подняться на трибуну для очередного доклада и выпить при этом — по примеру больших ораторов — стакан желтоватой кипяченой воды, как он преображался и, держась за несвойственный ему галстук, как за якорь спасения, начинал речь примерно так:

— Что мы имеем на сегодняшний день в смысле дальнейшего развития товарной линии производства молочной продукции и ликвидации ее отставания по плану надоев молока?

И вот умный и веселый человек, вытянувшись и держа руки по швам, нес два часа убийственную околесицу на неизвестном варварском языке, потому что назвать этот язык русским мог бы только жесточайший наш враг».

Штампы бывают разные. Это и устойчивые словосочетания типа «включиться в борьбу (за что-нибудь)», «принять необходимые меры», «проявить инициативу», «достижения и успехи», «играть роль» и «иметь значение», «в этих условиях», «держат в поле зрения», «иметь место», «трудно переоценить», «нельзя не отметить», «в центре внимания», «на сегодняшний день» и т. п.

Это и постоянные определения, так называемые «слова-спутники», а еще лучше сказать, слова-паразиты. Мероприятия всегда бывают «практические», задачи — «конкретные», недостатки — «имеющиеся» (а могут ли быть «не имеющиеся» недостатки?), внимание — «постоянное» или «неослабное», забота — «настойчивая», размах — «широкий», поддержка — «активная», отклик — «горячий», сроки — «сжатые», критика — «резкая», массы — «широчайшие», почин — «ценный», вклад — «неоценимый» и т. п.

Это и так называемые «новые» предлоги, обороты типа «в деле», «в направлении», «по вопросу», «в связи» (с чем-

нибудь) или «в этой связи», «в области», «в силу», «в целях», «по части», «по линии», «в свете», «в разрезе»...

Это и нарочитое, чаще всего неуместное употребление таких книжных слов, как «труженик» и «труженица», «довелось», «иметься», «являться», «завоевания», «эпицентр», «форум», «увязать» и «согласовать», «инцидент», «данный», «осуществлять» и «осуществление» и многое другое.

Штампы существуют не только на уровне «языковых единиц», примеры которых мы только что привели, но и «на уровне текста».

Типичный штамп «на уровне текста», применительно к эпохе 30-х годов, сатирически изобразили в романе «Двенадцать стульев» писатели И. Ильф и Е. Петров. Вспомните описание торжественного митинга в Старгороде по случаю открытия трамвайной линии:

«Председатель Старкомхоза товарищ Гаврилин начал свою речь хорошо и просто.

— Трамвай построить, — сказал он, — это не ешака купить.

В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера. Он оценил эту фразу. Одобренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пытался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные. После Чемберлена, которому Гаврилин уделил полчаса, на международную арену вышел американский сенатор Бора. Толпа обмякла... Распалившийся Гаврилин нехорошо отозвался о румынских боярах и перешел на Муссолини. И только к концу речи он поборол свою вторую международную натуру и заговорил хорошими деловыми словами:

— И я так думаю, товарищи, что этот трамвай, который сейчас выйдет из депа, благодаря кого он выпущен? Конечно, товарищи, благодаря вот вам, благодаря всех рабочих, которые действительно поработали не за страх, а, товарищи, за совесть. А еще, товарищи, благодаря честного советского специалиста, главного инженера Треухова. Ему тоже спасибо!..

Стали искать Треухова, но не нашли. Представитель Маслоцентра, которого давно уже жгло, протиснулся к пери-

лам трибуны, взмахнул рукой и громко заговорил... о международном положении!

Наконец, уже к вечеру, нашли и вывели на трибуну Треухова:

— Слово предоставляется главному инженеру товарищу Треухову! — радостно возвестил Гаврилин, — Ну, говори, а то я совсем не то говорил, — добавил он шепотом.

Треухов хотел сказать многое. И про субботники, и про тяжелую работу, обо всем, что сделано и что можно еще сделать. А сделать можно многое: можно освободить город от заразного привозного рынка, построить крытые стеклянные корпуса, можно построить постоянный мост вместо временного, ежегодно сносимого ледоходом, можно, наконец, осуществить проект постройки огромной мясохладобойни.

Треухов открыл рот и, запинаясь, заговорил:

— Товарищи! Международное положение нашего государства...

И дальше замямлил такие прописные истины, что толпа, слушавшая уже шестую международную речь, похолодела. Только окончив, Треухов понял, что и он ни слова не сказал о трамвае. «Вот обидно, — подумал он, — абсолютно мы не умеем говорить, абсолютно».

И ему вспомнилась речь французского коммуниста, которую он слышал на собрании в Москве. Француз говорил о буржуазной прессе. «Эти акробаты пера, — восклицал он, — эти виртуозы фарса, эти шакалы ротационных машин...» Первую часть речи француз произносил в тоне ля, вторую — в тоне до и последнюю, патетическую, — в тоне ми. Жесты его были умеренны и красивы.

«А мы только муть разводим, — решил Треухов, — лучше б совсем не говорили...»

Чем плохи речевые штампы? Прежде всего, своей холодностью, сухостью и безразличием к слушателю, а все это прямо граничит со смысловой пустотой, безжизненностью речи.

Мертвые трафареты губительны для животворной стихии слова, для любого доклада, для каждой беседы, лекции, статьи.

Характерно при этом, что многие нынешние шаблоны и трафареты в своих первых употреблении были полны смысловой и эмоциональной жизненности.

Такие устойчивые обороты речи, как «пригвоздить к позорному столбу», «проходить красной нитью», «получить постоянную прописку», «дорога длиною в жизнь», «быть всегда в поиске», «поставить в повестку дня», «выйти на новые рубежи», «держат руку на пульсе жизни» и многие другие, вначале могли сохранять новизну и образность. Но при частом и, главное, бездумном употреблении они довольно быстро превратились в штампы, ходульные приемы «оживления» речи и обесмыслились.

И это вполне понятно. «Язык готовых выражений, штампов, — писал А. Н. Толстой, — тем плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста, образа. Фразы такого языка скользят по воображению, не затрагивая сложнейшей клавиатуры нашего мозга».

Наш народ всегда неодобрительно относился к пустословам и к пустословию вообще, к речевым побрякушкам. Страстные по тону, но шаблонно выраженные призывы к борьбе и трудовым свершениям никого не тронут. Речевые штампы не только иссушают образность, они убивают и чувство, и саму мысль.

Но вот что примечательно. Далеко не всякие слова и выражения стираются от частого их употребления. Например, формулы вежливости, речевого этикета от частого, многократного и каждодневного употребления не стираются и не становятся штампами. Дело в том, что они функциональны: в них сохраняется исконный смысл, постоянно сцепляющийся с текстом и ситуацией, назначением этих формул — с их вечным и всегда новым, свежим пожеланием добра, здоровья, счастья, благополучия: «Будьте здоровы!», «До свидания», «Спасибо», «Пожалуйста», «Здравствуйте», «Прошу прощения» и т. п.

Точно так же не «стирается» от частого, увы, употребления и ругань. От излишнего и бездумного повторения она не перестает быть грубой, не теряет своего низменного назначения оскорбить ближнего, душевно ранить его. И в этом смысле сквернословие представляет собой не просто словесный мусор, а подлинное социальное зло, с которым нужно беспощадно бороться.

А вот меткие народные пословицы, поговорки и присловья, крылатые слова интернационального фонда — вечные сокровища языка. Их яркий блеск, тепло их мудрости не гас-

нут и не тускнеют от частого употребления. Правда, и тут надо помнить, что «поговорка к слову молвится», т. е. хороша она все-таки не сама по себе, а на своем месте, когда употреблена со смыслом и к месту.

Образы Прометея, несущего людям огонь, Дон-Кихота, бескорыстного и бесстрашного рыцаря-дравдолоба, образ Матери-Родины и многие другие навсегда останутся священными для нас, как символы высоких понятий, не стареющих во времени. Понятия-слова никогда не выветриваются в смысловом и эмоциональном отношении. И лишь там, где нет мысли, образ рано или поздно переходит в расхожий штамп.

В теории и на практике разграничивают иногда штампы и стереотипы (или стандарты). Разграничение это довольно условное, но оно помогает понять некоторые внутренние механизмы бытования словесных блоков разных типов.

Объективно штампы выступают в двух разных функциях. В первой — это необходимый элемент речи, там, где ее главной особенностью является повторение некоторых словесных клише, обеспечивающих точность и однозначность понимания, традиционность употребления и т. п. Это относится, например, к области официального общения — к канцелярской, деловой речи, к юридической сфере (языку законов, соглашений, договоров, декретов, распоряжений, приказов и т. п.). Формулы документооборота складывались веками и по традиции сохраняют принятую композицию, специфические обращения (или «зачины»), концовки, сугубо письменнокнижные обороты речи и т. п. Например: «настоящим сообщаем», «вышеуказанный», «вышеозначенный», «высокие договаривающиеся стороны», «уполномочен заявить», а также «прошу предоставить», «с сего числа полагать меня в отпуске», «во исполнение приказа», «данный», «текущий», «вследствие», «поставить вопрос» и т. п. Вот эти-то необходимые, стилистически оправданные на своем месте клишированные обороты и слова и называют стереотипами, или стандартами речи.

Во второй своей функции или роли штампы выступают как явление стилистической дефектности. Те же самые книжно-письменные, официальные обороты и формулы, выходя за пределы своего специального употребления, воспринимаются как неуместные в бытовом общении или в ораторском выступлении канцеляризм.

Канцеляризмы — лишь часть штампов (и, может быть, не самая главная), но часть очень заметная, стилистически ярко окрашенная. Все эти «по причине», «в силу», «надлежит», «вследствие», «в разрезе», «являться», «иметься», «в деле», «по вопросу», «заострить внимание» и т. п.

Иногда говорят, что в условиях массовой коммуникации штампы и стандарты просто необходимы. Мол, обращение к массовой аудитории, к разнородной среде неминуемо «усредняет» речь оратора, делает ее в известной степени механической, автоматической, а значит, требует применения всякого рода речевых штампов, словесных формул, языковых клише и т. п. Что сам век НТР якобы этого требует.

Вряд ли с этим можно согласиться. Ведь в соответствии с психологическими законами восприятия словесные повторения (клише) неизбежно автоматизируют живые ассоциации и тем самым ослабляют силу связанных с ними впечатлений. Штампованная речь в любой аудитории, как правило, не затрагивает мыслей и чувств слушателей, проходит мимо их сознания. Такая речь малоэффективна, она не достигает своей цели, и забывать об этом нельзя.

Не случайно в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979) специально говорится о необходимости совершенствовать язык и стиль наших газет и журналов, устной пропаганды, устранять такие их недостатки, как многословие и казенщина.

Самобытность — важное качество хорошей, мастерской речи (в отличие от речи только правильной, нормативной). Авторитет лектора, его мастерства в сознании слушателей складывается из глубокого знания им предмета, хорошего умения живо и интересно излагать мысли, а также из личного обаяния, неповторимой индивидуальности. Обращение к штампованным элементам речи неизбежно оказывает отрицательное воздействие на каждую из этих сторон лекторского мастерства, приводит к ходульности и напыщенности речи, к пустой фразе и политической трескотне, против которых неустанно призывал бороться В. И. Ленин.

Для штампованной речи характерна неумная тяга к декларативности, к ненужной «звонкости», к использованию форм превосходной степени: «главнейший», «важнейший», «широчайший», «серьезнейший» и т. п. В ней глагол вытес-

няется причастием и отглагольным существительным; вместо активных по значению конструкций появляются пассивные; возникают унылые цепочки существительных в косвенных падежах; путаный строй тяжеловесной фразы приводит к невразумительности смысла. Например, «осветил вопрос» вместо «рассказал»; «поднял вопрос на должную высоту» или «поставил вопрос ребром» (как будто у вопроса есть ребра!); «принять меры по проверке» вместо «проверить»; «в осенний период времени» вместо «осестью»; «внести крупный вклад в борьбу за комплексную механизацию и автоматизацию» вместо «механизировать и автоматизировать»; «на сегодняшний день» вместо «сегодня», «сейчас» и т. п. Но запутанность или нечеткость смысла — лишь одна сторона дела.

Бездумный словесный штамп неизбежно порождает логические и грамматические неправильности. Например: «руководство по уходу и обслуживанию агрегатов» (надо: «руководство по обслуживанию агрегатов и уходу за ними»), «рассмотреть под углом зрения», «в силу слабости», «при наличии отсутствия», «работа по разработке мер», «в этом направлении проведена борьба», «в разрезе вопросов», «негативные явления отрицательно сказываются», «выполнение задач, связанных с решением данного вопроса» и т. п.

Трудно бывает докопаться до смысла большого периода, понять, какая же конкретная задача в нем ставится:

«Мы должны поставить вопрос о воспитании населения в деле улучшения отношения к проведению мероприятий по озеленению города».

Что здесь главное: «вопрос», «отношение», «воспитание», «мероприятия» или озеленение — сказать трудно. За обилием штампов, за цепочкой зависимых косвенных падежей едва-едва просвечивает содержательная сторона высказывания.

И уж совсем обесмысленна фраза: «В этих вопросах необходимо принять серьезные меры». О чем она? В принципе, о чем угодно. А значит, ни о чем — типично «упаковочный» материал.

Все эти примеры отнюдь не плод досужего речетворчества, а выдержки и цитаты из речей, выступлений, лекций на различных собраниях и совещаниях самых последних лет.

И уж никуда не годится, когда таким же заскорузлым

языком начинают говорить об актуальных задачах пропаганды, о повышении лекторского мастерства.

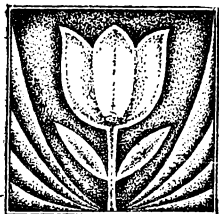
В конце одного из выступлений прозвучала такая фраза лектора: «Нам предстоит провести большую работу в деле улучшения роли устной пропаганды»... Конечно, она была встречена дружным смехом присутствующих и практически зачеркнула в общем-то содержательную беседу. Не зря говорится о том, что нет ничего более заразительного, чем готовые, холодные словесные штампы.

Где и когда возникают штампы речи? Главным образом там, где преобладает наша умственная лень, нежелание думать над словом, где воздаётся дань дурной моде на расхожие обороты, когда беден наш словарный запас, не развито чувство языка, отсутствует знание его стилистических богатств и законов.

Обращаясь к молодым пропагандистам и лекторам, М. И. Калинин убедительно им советовал: «Если ты говоришь, то говори свое. Слова будут другие, а суть одна и та же. Смотришь, и люди будут прислушиваться немного внимательнее... А то получается, что человек механически говорит. Надо, чтобы не механически, а органически лились слова, чтобы они выражали твою мысль. Нужно избегать говорить готовыми формулировками». Очень верные слова и очень важные советы.

Не надо бояться быть оригинальным, говорить своим языком, глубоко продумывая и переживая содержание своего выступления. Это — одно из главных средств против штампа, с его семантической опустошенностью, с затасканностью и предельной предсказуемостью в речи, с его бесстрастной готовностью сослужить дурную службу оратору.

Штампы бывают разные. Но лучше, чтобы их совсем не было в наших устных и письменных выступлениях.

ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ ЖАРГОНИЗАЦИИ

Социальными и профессиональными разновидностями языка (жаргонами и аргю) называют речь профессиональных групп или социальных прослоек, поставленных в особые, обособленные условия жизни и общения.

Конечно, это не особые языки, а особый словарь — лексика и фразеология, возникшие на базе общенационального языка в определенных исторических условиях и в силу разных причин, которые используются теми или иными группами людей, близких по профессии, социальному положению.

Нередко такой словарь строится как «тайная», «засекреченная» речь, понятная лишь узкому кругу посвященных. Это — условные языки старых русских торговцев (бродячих офеней-коробейников), о которых писал Н. А. Некрасов, а также ремесленников-отходников (шаповалов, шерстобитов, жестянщиков, шорников и др.), отправлявшихся из своих деревень в другие губернии России на зимние заработки.

Условные (профессиональные) аргю возникали также в среде деклассированных элементов и преступников — они известны во многих языках мира. Задача таких аргю состоит в том, чтобы скрыть, замаскировать преступный характер замыслов и действий от «непосвященных», а также для того, чтобы с помощью этого речевого «пароля» узнавать своих.

Что касается аргю «честных» профессий, то они возникают в среде охотников, рыболовов, спортсменов, военных, актеров и ученых, инженеров, техников — для того, чтобы назвать «по-своему» те предметы и явления, для которых обычно нет наименований в общей речи (или такие наименования слишком длинные, громоздки). Сюда относятся разного

рода техницизмы (специальные слова, термины разных наук и профессий), а также и «профессиональное просторечие», т. е. привычные в той или иной среде, понятные в ней слова и выражения.

Например, моряки называют свое судно **коробкой** (из старинного искажения слова «корабль»). А вот у строителей **коробка** — это остов здания, его **каркас**. Наши танкисты в годы войны ласково называли свои броневые машины **коробочками**, а снаряды — **огурцами** и т. п. Физики-теоретики в речи между собой именуют термоядерную реакцию **термоядом**, а огромный круглый синхрофазотрон шутливо называют **кастрюлей** (они ее «разогревают» во время работы).

Большой интерес представляет жаргонообразная лексика, или жаргон в расширительном смысле этого термина, отчасти напоминающий то, что в английском языке называют «сленгом», когда относительная языковая замкнутость обусловлена определенной социальной общностью — и только.

Именно это мы имеем в виду, когда говорим далее о военном (солдатском) жаргоне, жаргонной речи бильярдных или карточных игроков (шулеров), артистическом жаргоне (певческом, цирковом и т. п.), жаргоне газетчиков или журналистов, спортивном жаргоне, жаргонной речи шоферов, летчиков и т. д.

Иногда в том же значении (или близком к нему) употребляется слово «сленг» (ср., например, «молодежный жаргон», или чаще — «молодежный сленг» и т. п.).

Нерасчлененный, обобщенный термин «жаргон», таким образом, распадается, располагаясь между двумя полюсами. С одной стороны — жаргон в узком смысле слова. Он не выходит обычно за пределы специальной (или возрастной) сферы общения и практически никак не влияет на литературный язык. Действительно, вряд ли кто употребляет за пределами детской, школьной речи такие слова, как **телик** (телевизор), **велик** (велосипед), **маг** (магнитофон) и др.

С другой стороны, есть жаргонизированная речь, общение «под жаргон». Она примыкает к жаргонно-просторечно-му стилю, к грубо-фамильярному слою обиходной лексики. Именно поэтому она нередко засоряет, опошляет нашу речь и не может быть оправдана в общем употреблении.

При относительной единовозрастности той или иной группы говорящих жаргонная речь выступает как характер-

ная черта языка поколения (особенно молодого). Это и дает возможность ставить вопрос о современном молодежном жаргоне (сленге) как одном из социально-речевых стилей нашего времени.

Основу нашего молодежного сленга составляет студенческий жаргон. Он как бы господствует над другими жаргонами, вбирая в себя «младшие» (например, школьный) и стоя над ними.

Излюбленные слова школьной речи и обычные в ней способы новообразований даже при употреблении их в студенческой речи воспринимаются как элементы языка младших поколений или собственной речи в прошлом.

О циничности жаргонного словоупотребления справедливо говорить в тех случаях, когда то или иное слово, тот или иной оборот несут отчетливо выраженный антиобщественный смысл, являются сигналами и символами паразитической идеологии, идеологии стяжательства и тунеядства. Все это относится в первую очередь к речи стилига и их подражателей.

Строгое ограничение реального бытования жаргонизмов помогает правильно оценить их место в языке советской молодежи, определять, что оно отнюдь не главное, не центральное, как это может показаться близоруким или просто недобросовестным наблюдателям.

Особенно это касается некоторых зарубежных «исследователей» нашей жизни, так называемых «советологов», которые стремятся любым путем опорочить наш образ жизни, наше подрастающее поколение. Полное непонимание специфики молодежного жаргона привело, например, шведского филолога Н. А. Нильсона к ложному выводу о том, что жаргонное словоупотребление (т. е. такие слова, как **блеск, железо, башли, предки, чувак, мешок времени, спихнуть экзамен, старикан, шпаргалить** и т. п.) относится якобы к характерным качествам культуры нашего студенчества в целом.

Как хотели бы видеть некоторые радетели «свобод» на Западе конфликты поколений в нашем социалистическом обществе, потерю ориентиров и идеалов среди молодежи. Но это, конечно, не получится, как ни стараются все эти господа! А кривое зеркало, в котором они видят нашу действительность, ничего, кроме искажения, дать не может.

Когда мы говорим об уродовании языка жаргонными элементами, следует помнить о разных функциях самой жаргонной речи.

Жаргон может выступать как основа действительно уродливого языка, в котором не только проявляется культурная и духовная незрелость молодого человека. В нем могут быть и отголоски чуждого нам мировоззрения, и следы влияния буржуазной идеологии и паразитического образа жизни и т. п.

Но жаргон может выступать и, так сказать, в обратном виде — как его «клочки», «осколки», т. е. как жаргонизированный стиль речи, из которого меткие, шутливые, острые слова и обороты могут даже переходить в общее употребление.

Не следует забывать и о том, что жаргон — это лишь один из возможных способов выявления морального уродства, дурных помыслов. Духовное убожество и антиобщественные интересы могут прикрываться в быту красивой, «правильной» фразой, изысканностью речи, в которой нет и налета жаргонизации.

Говоря о составе молодежного жаргона, мы выделяем, во-первых, профессионально-производственную лексику («производственное ядро») и, во-вторых, общебытовой словарь. Эти два структурных начала, присущие любому социальному диалекту (стилю), являются общими для их структурной характеристики.

Точно так же общими для всех социальных диалектов (имеются в виду сложившиеся, «развитые») являются типы новообразований: это, во-первых, усечения (разного рода), во-вторых, переосмысления и, в-третьих, собственно новообразования.

Приведем пример из записок летчика М. Галлая «Испытано в небе»: «Большая часть этих клечек (самолетов) имела в своей основе созвучие. Так, самолет МИ-3 был быстро переименован в «Митрича», американский штурмовик «Нортрон», обрусев, превратился в «Антропа», трудолюбивый истребитель И-16 стал «ишаком», а пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 — «пешкой»...

Основная часть молодежного жаргона (сленга), его общебытовой словарь почти не имеют собственных слов (в отличие от производственного «ядра» жаргона, который в ос-

новном из них и состоит). Источники пополнения общебытовой лексики разнообразны: тут и профессиональная речь (ср. **шурупить** — «понимать», **профилировать** — «прогуливаться», «гулять», ср. в технике: «придавать правильный профиль дороге, полотну»; **сопло** — «рот»; **в ажуре** — «хорошо», **в порядке** — из финансово-банковской терминологии), и диалектизмы (ср. **згал** — «насмешник» и **згалиться** — «издеваться над кем-нибудь», в словаре В. И. Даля с пометой «пермское»), и заимствования из других языков (ср. **пиджон** — из французского, **портач** — из польского и т. п.), из других жаргонов (**салага** и **букварь** — о молодом, неопытном человеке, из морского **салажонок** — «необученный матрос» и армейского **букварь** — «необученный солдат, новобранец»).

Основным источником, однако, оказывается слой между-жаргонной лексики — перекрещивающиеся, общие части бытового словаря разных жаргонов, который можно назвать «интержаргоном».

Формирование интержаргонной лексики происходит главным образом за счет «нейтрализованного», так или иначе преобразованного арга. Именно из интержаргона (а не непосредственно из воровского арга) черпает молодежный сленг в большинстве случаев арготические по происхождению элементы. Отсюда понятным становится их обилие в молодежном жаргоне. Конечно, приходят они сюда в преобразованном виде.

Разговорное шутливое выражение «для мебели», т. е. «зря, впустую (находиться где-нибудь)», восходит к специальному шулерскому обозначению помощников в карточной игре. В словарях арга, вышедших в 1908 году (составитель В. Ф. Трахтенберг) и в 1912 году (составитель В. М. Попов), дается следующее объяснение этому термину:

«Мебель — сообщники шулера, не умеющие применять шулерские приемы и принимающие участие в игре для увеличения числа партнеров, когда их мало».

К буквальным, некогда собственно жаргонным и арготическим выражениям восходят «брать на пушку», «загнать в пузырек» (или в бутылку), «арапа заправлять», «нечем крыть», «завести волынку», старые — «в ударе», «двурушник», «втирать очки» и др.

Перестройка жаргонов в революционные годы прояви-

лась в том, что прежние сленги утратили социальную почву, появилось новое студенчество, советские офицеры, исчезли многие исторически устоявшиеся социальные группировки старого классового общества и т. д.

И вместе с тем сохранился и даже окреп во многом уже нейтрализованный социально воровской жаргон, через просторечие питавший новые сленги, дававший им языковую базу. В годы революции этому способствовало также сознательное обращение к жаргону как к «языку пролетариата», противопоставленному прежнему «буржуазно-интеллигентскому» языку.

Лучшие представители молодежи, овладевая научными знаниями, основами культуры, очищали свою речь от расхлябанности и грубости. Характерно в этом отношении свидетельство писателя Николая Островского: «В годы 1921—1922 я, например, и мои товарищи — рабочая молодежь — говорили этим изуродованным языком, сами того не сознавая, у кого его перенимаем. Помнится один случай. Мы, группа железнодорожников, разговариваем в губкоме с завагитпропом, коммунисткой, интеллигенткой. Она прерывает наши высказывания: «Послушайте, товарищи! Что это за слова, каким языком вы говорите? Я вас не понимаю. Бросьте валять дурака и говорите по-русски». Это нас обидело. Мой приятель высказался за всех: «Очень извиняемся, но другому языку не научились, в гимназиях не обучались». Через шесть лет я встретился с этим парнем, он окончил харьковский комвуз. Когда я напомнил ему этот эпизод, он снисходительно улыбнулся. Я провел с ним целый день, но не услышал ни одного из прежних слов. Он их вышвырнул из своего обихода...»

Структурно общие с обиходно-разговорной речью элементы лексики и фразеологии жаргона постоянно олитературируются, вживаются в устную и письменную речь, не выглядят на фоне нормированной речи экзотично или ново (например, по-быстрому — «быстро», всю дорогу — «всегда, все время», со страшной силой — «сильно», дико — «очень, весьма», на полном серьезе — «вполне серьезно» и т. п.).

Арготическое происхождение имеют многие современные разговорные или просторечные слова и выражения. Характерно в этом отношении прилагательное **липовый**.

Когда мы хотим сказать в шутку о чем-нибудь фаль-

шивом, ненастоящем, неподлинном, мы употребляем слова **липовый** и **липа**. Например: **липовый отличник**; эта **пятерка** — **липовая**; не работа, а **сплошная липа**.

Какова же связь между этими просторечными словами и названием дерева — **липа**? Сразу скажем, что связь эта чисто звуковая. Нельзя же всерьез полагать, например, что слово **липовый** — «фальшивый» происходит от выражения **липовый чай** (т. е. заварка из цветов липы, «ненастоящий» чай), как иногда думают. Ведь есть и смородинный чай, и малиновый чай, существует **липовый мед**, кстати, один из лучших. Но ведь и не смородина и не малина, а почему-то именно **липа** стала символом обмана и фальши. В чем же здесь дело?

Все дело тут в историческом происхождении интересующих нас слов. В старинных русских арго (торговцев, картежных шулеров и др.) издавна бытовали такие слова и выражения, как **липа**, **липач** и **липачить**, **липовый товар**, **гнать липу** и многие другие.

Все эти слова оказываются в историческом (и этимологическом) родстве с глаголом **липнуть** в его буквальном значении «прилипнуть».

В речи картежников-шулеров бытовал в старину термин **липок**. Так называли липкую, но не маркую мазь, своего рода пасту, которая могла незаметно склеивать две карты, давая возможность сдающему (банкомету) вскрывать по своему желанию любую из них. Паста эта легко и незаметно могла удаляться с этих «крапленых» карт.

Большой знаток русского быта прошлого века В. И. Даль в своем Толковом словаре подробно рассказывает о свойствах этого липка, о его применении в картежных махинациях.

С помощью липка можно было «втирать очки»: из четверки сделать пятерку, а из двойки — тройку и т. п. Отсюда само выражение «очки втирать», т. е. «обманывать», от которого затем образованы были ироническо-уничижительные **очковтиратель** и **очковтирательство**. Очки втирались разными способами: техника шулерского дела совершенствовалась (применялись специальные порошки, незаметные для постороннего глаза тонкие волоски и многое другое). Цель всех этих жульнических ухищрений была одна: добыть во что бы то ни стало **липковые очки**. Вот эти-то **липковые очки** в устной речи картежников и стали сначала **липовыми очка-**

ми (когда об исходном **липке** забыли), а затем породили современные слова и выражения, обозначающие фальшивую, поддельную, а то и просто плохую, недоброкачественную работу.

Прилагательное **липовый** в современном русском языке сочетается обычно со словами, обозначающими документы: липовый отчет, липовая справка, липовая ведомость и т. п. Это первичное значение и употребление слова **липовый** все более расширяется: говорят и о липовой работе вообще, о липовом артисте, писателе, ученом.

В стилистическом отношении все эти слова и выражения расцениваются как просторечные, в общей речи они служат для выражения экспрессии и отрицательной оценочности.

Совершенно ясно, однако, что историческая судьба в языке определенного разряда жаргонизмов, смыкающихся с экспрессивной обиходно-разговорной лексикой, не может служить основанием для отказа от борьбы с собственно жаргонной лексикой, засоряющей разговорную речь молодежи. Такая борьба необходима, но она должна быть точно целенаправлена.

Где же проходят основные пути «сражений» с жаргонной речью? Один из главных находится вне чисто лингвистической сферы. Что это значит?

Жаргон, являясь определенным социальным фактом, имеет не только внешнюю сторону выражения (язык, словарь), но и внутреннюю, выражаемую, т. е. определенную идеологию в некоторых ее частях (романтизация быта и привычек паразитствующих групп молодежи — стиляг, хипарей, игра под хулиганов в поведении и в языке и т. п.). Но, как говорил Е. Д. Поливанов, «представляется довольно сомнительной борьба с каким-либо языковым... явлением, имеющим внеязыковую причину, если эта борьба не обращена вместе с тем на искоренение этой причины данного явления». И надо отметить, что искоренением этих причин — решительной борьбой с тунеядцами и хулиганами — успешно занимается у нас комсомол и общественность.

Из всего сказанного ясно, что в чисто языковом плане борьба с уродливой жаргонизацией школьной речи может строиться лишь на базе квалифицированного стилистического образования, предполагающего знакомство с элементами истории литературного языка, его общенародными истока-

ми — диалектными, социально-групповыми и профессиональными.

Как нельзя отрицать и начисто отвергать жаргон в целом, так нельзя и мириться с вульгаризмами в жаргоне (впрочем, так же как и с вульгаризмами в общелитературном языке).

Процессы вульгаризации речи чаще всего бывают связаны с внешними для языка причинами, поэтому бороться с ними, ограничивать их можно и нужно. Не поняв этого, нельзя избежать абстрактного теоретического перехлеста, при котором происходит равнодушное «внимание злу» и смещается историческая перспектива, о чем писал, например, М. Горький автору книги «Язык селькора»: «Я думаю, что такие работы, как «Язык селькора», преждевременны и даже могут оказать немалый вред нормальному росту языка... Вы принимаете «местные речения», «провинциализмы» за новые, оригинальные словообразования, — тогда как материал Ваш говорит мне только о том, что великолепнейшая, афористическая русская речь, образное и меткое русское слово — искажаются и «вульгаризируются». Этот процесс вульгаризации крепко и отлично оформленного языка — процесс естественный, неизбежный; французский язык пережил его после «Великой революции», когда бретонцы, нормандцы, провансальцы и т. д. столкнулись в буре событий; этому процессу всегда способствуют войны, армии, казармы...»

Интеллектуальное, духовное убожество, проявляющееся в отдельных группах жаргонизирующей молодежи, может служить благодатной почвой для развращающей антиобщественной идеологии.

Показательна в этом отношении «волна» жаргонизации молодежной речи, связанная с появлением в 70-х годах тех, кого стали презрительно называть хипарями.

В современном хипарном (или хиповом) жаргоне вместо старого стилизъяго будка, физия говорят фэйс (лицо), вместо хата — флэт, вместо корочки — шузы, вместо чувиха — герла (или гирла), а вместо кадр — мэн и т. п.

Установка, ориентир на англоязычную речь в таких заменах совершенно очевидна. Истоки новомодного жаргона — это мода на западную эстрадную музыку, на «биттлов» и «рок-оперу», на модные английские и американские песенки, дешевые ковбойские фильмы. Через грампластинки (их

называют «пласты» или «диски»), через модные вещи — куртки и джинсы (их в целом называют «фирма»), через вестерны, кинобоевики и т. п., сами того не осознавая, молодые люди устремляются к внешним приметам чуждого нам капиталистического образа жизни. Опасность деидеологизации, т. е. потери жизненных ориентиров и идеалов, — здесь налицо, и преуменьшать ее, конечно же, нельзя.

Обращает на себя внимание одна чисто стилистическая особенность новомодного жаргона: необычайный конгломерат, столкновение, сближение друг с другом в пределах небольшого контекста англоязычных (или сделанных «на английский манер») слов и просторечно-диалектной, сниженной лексики. Например: «путёвый брэд» (т. е. хороший, отличный пирог), «шибко лавнул» (т. е. очень понравился) и т. п. Рядом с **лэйбом** и **шузами** появляются **чуни** и **балдежка**, рядом с **таксо** — **тачка**...

Языковая политика в области молодежного жаргона (сленга) должна быть в одинаковой мере чужда и субъективно-оценочного отрицания, и абстрактного «научного» оправдания элементов молодежной речи, функциональное назначение, характер и судьба которых в языке совершенно различны.

Непрекращающаяся и в наши дни «нивелировка» социальных диалектов, нейтрализация их элементов в сленге и в современном просторечии не отвергают тем не менее значительную устойчивость жаргонов, их силу и жизнеспособность в языке нового времени. Как долго еще будут существовать жаргоны? Что подкрепляет и поддерживает их в наши дни?

Из всего сказанного должно быть понятно, что причины существования жаргонов распадаются на две группы: 1) социальные, внеязыковые и 2) внутриязыковые, собственно лингвистические.

Говоря о собственно лингвистической природе жаргонизмов, можно, по-видимому, констатировать наличие жаргонизмов разного плана (помимо собственно лексических): семантических (или ситуативных), связанных с переносным употреблением, словообразовательных, оформленных по излюбленным в жаргоне образцам, фонетических или орфоэпических, закрепляющих осознанные в употреблении отступления и «искажения», синтаксических, интонационных и др., так

или иначе сигнализирующих о жаргонной окраске речи, подчиняющихся ее особенностям.

Однако появление и бытование жаргонизмов совершенно отчетливо связаны и с внеязыковыми (или несобственно языковыми) факторами. Приобретательство, мещанство наших дней, болезнь «вещизма» и т. п. — питательная среда жаргонов и аргю.

В книге «Живой как жизнь» К. И. Чуковский говорил о том, что существование молодежного жаргона в целом довольно правомерно, плохо лишь то, что это дурной жаргон. Однако, полагал писатель, особенно горевать на этот счет не стоит: молодежный жаргон, во-первых, «болезнь роста», им надо переболеть, как корью; во-вторых, он недолговечен и быстро выходит в тираж, постоянно обновляясь; в-третьих, он почти не влияет на общелитературный язык.

Все это, конечно, так. Действительно, молодежный жаргон, будучи явлением возрастным и корпоративно-психологическим, движется во времени и для каждого отдельного человека может проходить, как своеобразная «детская болезнь». Плохо, однако, если эта болезнь затягивается, застаревает, переходит во «взрослую» жизнь. Язык в таком случае жестоко мстит за себя. Жалок в своей беспомощности или смешон в нарочитой вульгарности тот, кто вне школьной или студенческой среды сыплет, как мокрой шелухой от семечек, пустыми внутри и лихими внешне словечками, вроде клёвый, колоссально, прошвырнуться, хилить, чувиха или гирла.

Защитники и сторонники жаргонной речи говорят иногда о ее якобы выразительности, яркой эмоциональности. Так ли это на самом деле? Далеко не так. Жаргонные образы от постоянного употребления быстро тускнеют, стираются, превращаясь в свою противоположность — безликий и назойливый штамп, ходячую глупую «хохму». А если штампуется шутка, острота, то штампуется и связанная с ней выразительность. Эмоционально-экспрессивная сторона жаргонов и аргю, несмотря на видимую развитость, качественно бедна, неглубока и чрезвычайно однообразна. Эмоции здесь связаны обычно с оценками, которых всего две — положительная и отрицательная. Других качеств и оценок, всех тонких переходов, которыми так полна жизнь и общелитературный язык, жаргон просто не знает.

Жаргон убивает мысль, отучает думать его рьяных по-

клонников. Больше того, известно, например, что для арготического словоупотребления всегда характерна смысловая расплывчатость, неопределенность, приблизительность значения. Глагол *усечь*, например, — это и «понять», и «усвоить», и «сообразить», и «заметить» или «запомнить»... О каком же разнообразии чувств здесь может идти речь? О какой точности в передаче смысла слов или оттенков значения? Именно поэтому молодежный жаргон в отличие от профессиональных аргосов никогда или почти никогда не обогащает общелитературной речи (ср. едва ли не единственное слово *шпаргалка* в общей речи: «говорить по шпаргалке», т. е. «читать свое выступление по бумажке», с ироническим оттенком).

Против вульгарных, идеологически отрицательно окрашенных жаргонизмов выступают у нас писатели, журналисты, учителя, общественные организации, и в первую очередь комсомол. Эта борьба — важный фактор повышения речевой и общей культуры нашей советской молодежи. Лучшие ее представители это очень хорошо понимают. И они ставят перед собой задачу овладения подлинными, а не мнимыми богатствами литературной и народной речи.

Жаргонизация речи приводит к порче языка, и поэтому с ней должен бороться каждый сознательный член нашего общества. Жаргонизация — опасная болезнь языка, язва на его здоровом теле.

Надо сказать, что жаргон — очень привязчивая манера речи, и эта манера с годами жестоко мстит за себя. Взрослея, молодой человек не может обходиться только привычным жаргоном — он просто недопустим в сфере нашей повседневной жизни, творческого труда. И если юноша или девушка не овладели к периоду своего взросления настоящей, полнокровной литературной речью, то они либо будут скованы в речевом отношении (стесняясь своих неуместных жаргонизмов), либо неминуемо попадут в сети готовых штампов, речевых трафаретов, казенных фраз и оборотов.

Учить молодых понимать все опасности жаргонизации — это значит помогать им духовно мужать, предостеречь их от угрозы застарелого языкового инфантилизма. Это наше общее дело. Каждый, кто гордится своим языком, кто по-настоящему любит его, должен активно выступать против вульгарности жаргонизмов, исправлять свою речь, не бояться поправлять друзей, товарищей.

Следует всегда помнить о том, что культура языка — составная часть национальной культуры, важная примета нашего социалистического образа жизни, сокровищница накопленных веками духовных богатств народа. Задача всех нас — обогащать и творчески развивать великий и могучий русский язык — это великое достояние, завещанное нам нашими предшественниками.

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ И ДРУЗЬЯ (словари и справочники)

Толковые словари и справочники национального языка — это одно из важнейших средств, способствующих развитию нашей культуры речи. Отражая культуру речи, закрепляя литературные нормы, словари и справочники являются и продуктом этой культуры. Каждый словарь с большей или меньшей полнотой рассказывает о состоянии языка определенной эпохи, своего времени. Таким образом, словарь — это и документ исторической жизни языка. Словари и справочники фиксируют сложившиеся нормы, особенности языка в его развитии. Они — свидетели культуры, истории народа, жизни народа и одновременно они учителя, наставники народа.

Толковые словари национальных языков всегда строились и строятся на широкой базе литературно-художественных источников — на материале языка писателей прошлого и настоящего, равно как и на материалах публицистики, научной литературы, периодики. Учитываются при этом, конечно, и особенности живой разговорной речи. Творчество большого писателя, его язык воплощают в себе в концентрированном виде богатства речевой, а значит, и духовной жизни народа.

Чтение словарей воспитывает, поднимает человека, обла-

гораживает его, делает более интересным и знающим, а его речь выразительной, образной, ясной.

И не случайно называли своим любимым чтением эти книги К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. При работе над своими произведениями они постоянно обращались к словарям — толковым, двуязычным, энциклопедическим и многим другим.

Четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля стоял на этажерке-«вертушке» у рабочего стола Владимира Ильича Ленина в его кремлевском кабинете, и Ленин часто обращался к нему за разного рода справками.

Продолжая и развивая традиции отечественного языкознания, советские лексикографы — составители словарей — исходят из того, что в толковых словарях не должны содержаться плоды отвлеченных «научных» соображений, а должен быть включен тот языковой материал, который давал бы возможность представить картину реальной речевой жизни народа в наши дни, писательскую манеру словоупотребления — в лучших ее образцах — прежде и теперь. За годы Советской власти у нас в стране изданы сотни словарей — одно- и двуязычные, синонимические, фразеологические, народных говоров, словари языка писателей, толковые словари разных типов и др.

Особенно значим для нашей науки, культуры языка созданный в последние десятилетия академический «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах, источником которого являются «лучшие произведения русских писателей, публицистов и ученых, с деятельностью которых связано обогащение и усовершенствование русского литературного языка...». Словарь ставит своей целью «показать употребление всего лексического состава, на основе которого выработан его словарь». Этот справочник охватывает все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней.

По общему признанию исследователей, писателей и журналистов, педагогов, представителей широких кругов общественности, русская советская лексикография является важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи и повышения культуры вообще.

«Ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами, предъявляют русской лексикографии высокие требования», — писал видный советский лексикограф и исследователь проблем культуры русской речи С. И. Ожегов.

Каковы же типы существующих словарей?

В отечественной лексикографии классификация словарей так или иначе опирается на одну из важнейших работ Л. В. Щербы по теории словарного дела — его статью «Опыт общей теории лексикографии».

Существующие словари русского языка, например, можно разделить на две группы.

Словари первой группы условно можно назвать словарями языка в собственном смысле слова, т. е. дающими более или менее полное представление о русском языке, его объеме, составе.

Прежде всего — это толковые, или объяснительные словари разных типов. Практически они стремятся охватить весь (или почти весь) лексический состав литературного языка.

Толковые словари — это универсальные нормативные справочники по стилистике и семантике, по грамматике и фразеологии, по акцентологии и частично по орфоэпии.

Существуют четыре основных типа толковых словарей русского литературного языка: 1) большой (или полный), представляющий современный язык в широкой исторической перспективе; 2) средний, для которого характерна разработка исторически оправданного стилевого многообразия современного языка; 3) краткий, популярного характера, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи; 4) учебный, школьный, небольшой по объему. О первых трех типах словаря говорил в своих статьях С. И. Ожегов. Последний, четвертый тип сформировался совсем недавно (хотя и прежде существовали школьные словарики, создаваемые в учебных, методических целях).

К первому типу относится «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17 томах (М.-Л., 1950—1965); ко второму — «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940) и «Словарь русского языка» АН СССР в 4 томах (М., 1957—1961); к третьему типу — однотомный «Словарь русского языка»

С. И. Ожегова (изд. 13-е. М., 1981); к четвертому можно отнести небольшой по объему «Краткий словарь русского языка» (М., 1979) и готовящийся к выходу «Школьный толковый словарь русского языка».

В словарях больших (более 100 тыс. слов) и средних (до 80 тыс. слов и более) в качестве иллюстраций приводятся многочисленные примеры употребления слов или устойчивых (фразеологических) выражений в лучших произведениях русской классической и советской художественной литературы. В одностомном словаре (на 50—60 тыс. слов) цитат из художественной литературы нет; иллюстрации употреблений и значений слов приводятся в виде типовых речений и словосочетаний. В учебных словарях особый отбор лексических единиц диктуется учебными целями. Отсюда своеобразное построение самой словарной статьи, особый характер сведений о языке (показ сочетаемости слов, типичного управления и т. п.). Ориентация исключительно на современное нормативное употребление приводит к отсутствию в таких словарях просторечных, жаргонных, специальных слов и к предельному сокращению их словника, т. е. состава слов (до 4—5 тыс.).

К толковым словарям русского языка примыкают словари диалектные и исторические: «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, ныне издающиеся «Словарь русских народных говоров» АН СССР (т. 1. М.-Л., 1965), «Словарь русского языка XI—XVII вв.» и другие.

Во всех этих словарях с достаточной полнотой отражается лексический состав русского языка — в соответствии с принципами отбора (литературность, диалектность, историчность и др.).

В основе всех этих словарей лежит, по словам Л. В. Щербы, «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени».

Вторую большую группу словарей составляют собственно нормативные словари-справочники. Назначение их состоит в том, чтобы дать читателю необходимую справку в трудных или сомнительных случаях (написание слова, его произ-

ношение, ударение, образование форм, значение и т. д.), а также предупредить от возможной ошибки, исправить привычные нелитературные индивидуальные речевые навыки и т. п.

Среди словарей-справочников выделяются, во-первых, словари орфографические и орфоэпические (произношения и ударения) и, во-вторых, «словари правильностей» разных типов и назначения.

В связи с объемом, структурой и назначением орфографические и орфоэпические словари могут быть полными или краткими, а также особого назначения (специальными). Примеры полных словарей: «Орфографический словарь русского языка» АН СССР, изд. 15-е. М., 1978 (106 тыс. слов) и «Русское литературное произношение и ударение» АН СССР. М., 1959 (около 52 тыс. слов), а также «Словарь ударений для работников радио и телевидения», сост. Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва, изд. 2-е. М., 1967 (около 63 тыс. слов). Пример краткого словаря особого назначения: опыт словаря-справочника «Слитно или раздельно?», сост. Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова. М., 1972 (около 43 тыс. слов). Пример специального словаря: «Орфографический морской словарь», сост. Р. Э. Порецкая. М., 1974 (около 25 тыс. слов), в котором представлена терминология, используемая моряками и специалистами, связанными с мореходным делом.

Нормативными сводами и кодексами в подлинном смысле слова являются полные словари. Что касается специальных или кратких словарей, то они в той или иной степени дополняют, уточняют полные, отражая особенности подхода к языковому материалу и к нормативности. Специальные словари в строгом смысле слова описывают (в орфографическом, орфоэпическом, грамматическом и других отношениях) лексику определенной области специальной терминологии. Создание специальных орфографических словарей — актуальная задача, решение которой возможно лишь в тесном взаимодействии лингвистов-лексикографов и представителей отдельных отраслей науки и техники.

Говоря о «словарях правильностей», следует также выделить среди них полные и краткие (специализированные).

Полные словари правильностей (иногда их называют ортологическими от греческих *orthós* — «ортос», т. е. правильный, и *lógos* — «логос», т. е. учение, наука) отражают

современную литературную норму на различных языковых уровнях, специальные — посвящены отдельным ее сторонам.

Примеры полных словарей правильностей (или приближающихся к ним по своим задачам): «Правильность русской речи», изд. 2-е. М., 1965 (651 статья, не считая отсылочных и 1020 статей краткого орфоэпического справочника); «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка». Л., 1973 (около 8 тыс. слов); «Словарь трудностей русского языка», сост. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова. М., 1976 (около 30 тыс. слов).

К кратким, или специальным, словарям правильностей могут быть отнесены следующие: «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка», сост. Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева. М., 1968 (около 200 статей); «Трудности русского языка». Словарь-справочник журналиста, под ред. Л. И. Рахмановой. М., 1974 (более 600 слов); «Грамматическая правильность русской речи». Опыт частотно-стилистического словаря вариантов, сост. Л. К. Граудина, В. А. Ицкович и Л. П. Катлинская. М., 1976 (148 типов грамматических и словособразовательных вариантов) и др.

К словарям-справочникам нормативного назначения при-
мыкают словари синонимов, омонимов и антонимов, сокращений, названий жителей, иностранных слов, фразеологические и некоторые другие.

Особое положение среди словарей и справочников занимают словари обратные, частотные, грамматические, идеографические (тематические) и т. п. Наиболее значительные из них: «Обратный словарь русского языка». М., 1974 (около 125 тыс. слов), «Частотный словарь русского языка» под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977 (около 40 тыс. слов), «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение», сост. А. А. Зализняк. М., 1977 (около 100 тыс. слов).

В обратных словарях слова расположены не по алфавиту первых букв, а по алфавиту «окончаний», например: учеба, дружба, жалоба, усадьба, просьба... и т. д. — все слова, оканчивающиеся на «а», затем — все слова на «б», «в» и т. д. Иначе эти словари называют «словарями рифм».

В частотных словарях слова расположены по степени их частоты, т. е. встречаемости в текстах — от более употребительных к менее употребительным.

В грамматических словарях даны все сведения о скло-

нении, спряжении слов, принадлежности их к грамматическому роду и т. п.

Словари идеографические строятся по тематически-гнездовому принципу: все слова темы «Человек», темы «Земля», «Вселепная» и т. п.

Словари этого подтипа, представляя, в сущности, лексику в пределах всего языка, дают возможность решить ряд теоретических и практических вопросов орфографии, описательной грамматики, стилистики, словообразования и т. п. Велика их роль и в прикладной методической работе: при составлении учебных пособий, словарей, справочников (особенно для обучения русскому языку иностранцев).

В собственно нормативном отношении толковые словари прямо характеризуют литературное употребление того или иного слова; они включают и демонстрируют факты, соответствующие нормам современного литературного языка. Показ колебания нормы, отклонений от нее, типичных ошибок устной и письменной речи, вариантов нормы разных типов и происхождения, как правило, в них отсутствует. В справочном отделе «Словаря современного русского литературного языка» содержатся сведения об источнике слова, его написании и произношении в предшествующие эпохи (т. е. исторические варианты), дается картина лексикографической кодификации начиная с XVIII века (или раньше) и до наших дней.

Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова начиная с 4-го (последнего прижизненного) издания (М., 1960) имеет одно примечательное новшество. В него введены предостерегающие от неправильного употребления слов указания, а также комментарии к условиям нормативного их применения. При этом, как говорится в авторском предисловии, подобные указания «даются только в тех случаях, когда неправильное употребление очень распространено» («Сведения, необходимые для пользующихся словарем», § 12).

Являясь по самой своей природе как бы своеобразными энциклопедиями русского языка, толковые словари служат базой для разнообразных теоретических исследований в области лексикологии, грамматики, стилистики, акцентологии и орфоэпии. Они составляют основу различных словарей-справочников нормативного характера.

Особый (компромиссный) подход к нормативности лежит

в основе некоторых толковых словарей. И это вполне закономерно в связи с задачами и нормативного, и объективно-исторического описания лексики на большом протяжении развития языка. От толковых словарей не всегда можно требовать категорической квалификации «правильно» или «неправильно» для сегодняшней нормы, поскольку они опираются на широкий исторический фон, показывают русскую лексику и фразеологию в динамике их развития за полтора-два столетия. Толковые словари — одновременно и сокровищницы языка, и нормативно-стилистические пособия.

Наши современные словари правильностей характеризуются принципиальным подходом, который можно было бы назвать «нормативно-объяснительным» или «нормативно-стилистическим». Традиции этого подхода восходят к книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи».

В 1962 и 1965 годах двумя изданиями вышел словарь-справочник «Правильность русской речи» под ред. С. И. Ожегова, теоретическим основанием которого стало представление о постоянном движении языка, развитии его вместе с развитием общества. «Вопросы культуры речи, — говорится в предисловии к словарю, — нельзя решать на почве личных, субъективных оценок явлений языка... Правильная, объективная оценка современного состояния русского языка и его норм должна опираться не на сумму субъективных мнений, а на анализ исторических закономерностей и современных тенденций развития языка».

Источниками материалов для словаря послужили практика газет и журналов, язык художественной и научно-популярной литературы, факты живой разговорной речи. Наиболее полные статьи словаря представляют собой небольшие исследования нормативно-стилистических тенденций современного русского литературного языка.

Принципы нормативно-стилистического подхода нашли свое дальнейшее развитие в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (Л., 1973) и в опыте частотно-стилистического словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской (М., 1976).

Толковые и специальные нормативные словари русского языка содержат неоценимый по своей важности материал,

связанный с историей развития, становления, изменения самих объективных норм, а также с историей нормализаторских усилий, проявляющихся и осуществляемых с различных позиций в разные эпохи развития языка.

Пушкин называл толковый словарь «уложением языка», то есть сводом его законов и правил.

Если справедливо мнение о том, что каждое маломальски сложное (в историческом и собственно лингвистическом отношении) слово может стать предметом специальной научной монографии, то словарь языка оказывается собранием подчас незаменимых материалов для подобных важных и поучительных исследований.

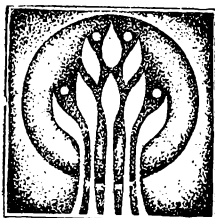
Для всякого образованного человека, любящего свой язык и родное слово, словари и лингвистические справочники — это не только бездонный кладезь разнообразных знаний и сведений, но также источник творческого вдохновения, надежный ориентир в сложных вопросах языковой культуры и стилистического мастерства.

Помните всегда, что словарь — не только справочник. Это ваш постоянный помощник и воспитатель, который учит вас, как правильно пользоваться словом, как его беречь. Словарь помогает нам делать речь более выразительной, яркой и образной. Он предостерегает нас не только от ошибок орфографических или грамматических, но и более значимых подчас — смысловых неточностей.

Словарь — это верный советчик и консультант по всем вопросам, связанным с жизнью нашей страны, ибо, раскрывая значение слова, он тем самым рассказывает о его истории, его употреблении народом, писателями, использовании в современном русском литературном языке.

Словари и справочники помогают нам глубже проникнуть в тайны слова, его образования, а тем самым учат находить связь между словами и реальной действительностью.

Словари и справочники — важнейшие наши помощники в борьбе за культуру языка, а значит, и в борьбе за нашу социалистическую культуру.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ (стилистический практикум)

I. Как правильно сказать:

1. «Мы с женой были в театре» или «Я с женой был в театре»?

2. «Эта книга интересна» или «Эта книга интересная»?

II. Исправьте фразы:

1. «Одев очки, я трудился за столом, а мой приятель молчаливо ходил взад-назад по комнате».

2. «Ответное письмо днями будет направлено по адресу вашего местожительства».

3. «Мы убедились о том, что вопреки данных ранее обещаний отдел продолжает тормозить освоению новой технологии».

III. Закончите предложения:

1. «Он поступил сообразно...» (сложившиеся обстоятельства).

2. «Большой успех явился свидетельством...» (мастерство актера).

ОТВЕТЫ

I.1. В смысловом отношении обе эти фразы («Мы с женой были в театре» и «Я с женой был в театре») как будто бы однозначны, поскольку речь в них идет об одном и том же.

Однако эти варианты — с местоимениями единственного и множественного числа первого лица «я» и «мы» — в определенных контекстах могут иметь разные оттенки семантического (смыслового) и стилистического характера.

«Мы с женой были в театре» — обычная, стилистическая нейтральная фраза, в которой «мы» имеет объединительное значение, не выделяющее кого-то из действующих

лиц, которые, таким образом, выступают как единое целое: **Мы с женой** — т. е. «вдвоем». Глагол при этом употребляется во множественном числе (мы были, ходили и т. п.) и обозначает совместно-взаимное действие.

Иное дело — фраза «Я с женой был в театре». Здесь в зависимости от интонации, от обстановки речи возможны известные смысловые оттенки.

Интонационно может быть выделено личное местоимение «я»: «Я с женой был в театре» (т. е. что касается **меня**, если речь идет лично ОБО МНЕ, то Я был в театре с женой).

Интонационно можно выделить и форму «с женой»: «я с женой был в театре» (т. е. ходил туда не с дочерью, и не с сестрой и т. п., а именно с женой).

Без интонационного выделения отдельных слов конструкция «я с женой» может выступать как более разговорная и даже несколько сниженная стилистически (в связи с известной персонификацией, иначе говоря, нежелательным «яканьем») — на фоне общелитературной нейтральной и книжной конструкции «мы с женой».

Отметим также, что конструкции «мы с женой» и «я с женой» различаются грамматически. В первом случае «мы с женой» — это составное подлежащее при сказуемом «были». Во втором случае («я с женой») подлежащим оказывается местоимение «я», сказуемое — «был», а «с женой» — дополнение.

Надо сказать, что конструкции типа «мы с тобой» (а также «мы с ним», «вы с ней», «они с ним» и т. п.) встречаются почти во всех славянских языках. Общеславянская особенность выражать двух лиц через местоимение «мы» закреплена в старинной русской загадке-шутке: «Ты да я, да мы с тобой, много ли нас?» Ответ: «Двое».

1.2. Выбор одной из этих конструкций («книга интересна» — «книга интересная») связан с любопытнейшей особенностью русской грамматики и семантики.

Дело в том, что в русском языке краткие формы прилагательных могут обозначать некий временный признак, тогда как соответствующие полные формы обозначают качества вневременные, постоянные. Возьмем для примера такие конструкции: «он глух» и «он глухой». Фразу «Притель глух к моей просьбе» мы понимаем так, что кто-то сейчас, в данный момент отказывается помочь, не идет навстречу. А

вот фразу «Мой приятель глухой» мы поймем только так, что кто-то страдает физическим недостатком — глухотой (т. е. воспринимаем слово «глухой» в буквальном, а не переносном значении).

Точно так же обстоят дела и в предложенной нами вариантной паре. Конструкция «книга интересна» значит буквально — имеет для кого-то интерес в данный момент, любопытна в известном смысле, в определенном отношении и т. п. Ср. в оценочной фразе-ответе: «Понравилась вам эта книга? — Да, пожалуй, книга интересна» (т. е. для меня она достаточно занимательна, полезна; я прочитал ее с интересом, она меня увлекла). Другой смысл содержит ответ: «Да, это интересная книга». Здесь качество выражено «абсолютно» — вне всяких оговорок, субъективных оценок; речь идет об интересной для всех книге, таково ее свойство, постоянный признак: «интересная книга».

В кратких формах отсутствуют многие из основных значений полных прилагательных и развиваются свои особые значения. Сравните слова «подобный» и «подобен» в следующих двух фразах. «Подобный пример был приведен ранее» (т. е. такой же, аналогичный). «В гневе он был подобен разъяренному тигру» (т. е. был похож на тигра).

Обратим внимание и на то, что смысловые различия конструкций с краткими и полными формами прилагательных поддерживаются и разной их синтаксической ролью в предложении. Краткие формы выступают обычно как сказуемые, т. е. несут предикативную роль: «Эта книга (какова?) интересна и поучительна». А соответствующие полные формы являются, как правило, определениями: «Эта (какая?) интересная и поучительная книга написана известным писателем».

II.1. Слова **надеть** и **одеть** (и их производные): близкие по звучанию и составу, в русском литературном языке традиционно имеют разные значения. **Одеть** — значит «покрыть, облечь одеждой себя или кого-нибудь». Например: одеть ребенка для прогулки; девочка одевает свою куклу. Слово **надеть** — значит «нанизать что на что-нибудь; укрепить, натянуть что-нибудь» — в том числе и обувь или часть одежды. Например: надеть кольцо на палец; надеть перчатки, надеть шляпу, плащ, надеть сапожки и т. п.

Заметим, что глагол **одеть** по традиции сочетается только с одушевленными существительными (**одеть** — кого?),

а глагол **надеть** входит в сочетания с неодушевленными существительными (**надеть** — что?). Известно также, что этим словам в литературном языке соответствуют разные антонимы (т. е. противоположные по смыслу глаголы). Для **одеть** это — **раздеть**, а для **надеть** — **снять**.

Таким образом, об очках можно сказать только: **надеть очки, надев очки, надетые на нос очки** и т. п. (ср. **снять очки, сняв очки, снятые очки** и т. п.).

Вторая ошибка также связана со смешением близких по значению и звучанию слов (паронимов): **молчаливо** и **молча**.

Наречие **молчаливо** образовано от прилагательного **молчаливый** — т. е. «немногословный» или «неразговорчивый, тихий». В литературном языке оно употребляется в расширительном значении «без лишних слов, не говоря много». Например: предложение было молчаливо одобрено (т. е. без особого обсуждения); гости молчаливо разошлись (т. е. без долгих разговоров и прощаний).

Что касается наречия **молча** (из деепричастия по глаголу **молчать**), то оно значит буквально: «ничего не говоря; не разговаривая, не произнося ни звука». А в нашей фразе как раз речь и идет о молчащем человеке. Значит, правильнее было сказать: **приятель молча ходил** (а не **молчаливо ходил**).

Третья ошибка — это употребление просторечного выражения **взад-назад**, которое состоит, в сущности, из простого повторения одного и того же слова. Это типичное искажение фразеологизма **взад и вперед** (т. е. из конца в конец, из одной стороны в другую; туда и обратно). Значит, следовало сказать **ходил взад и вперед** (или **ходил взад-вперед**), а не **взад-назад**.

Наконец, еще одна ошибка носит стилистический характер. Действительно, в обычной, стилистически нейтральной речи (да к тому же по отношению к самому себе) не следует употреблять книжный глагол **трудиться**, который нередко несет торжественный, возвышенный оттенок. Мы говорим, например: **трудиться на благо Родины; самоотверженно трудиться на вахте пятилетки**. Но по отношению к бытовой, нейтральной ситуации лучше, стилистически уместнее употребить глагол **работать**. В нашей фразе должно было быть так: **я работал за столом** (а не **трудился за столом**).

Приведем теперь все предложение в окончательно ис-

правленном виде: «Надев очки, я работал за столом, а мой приятель молча ходил взад и вперед (или: взад-вперед) по комнате».

II.2. Переходим ко второй фразе. В ней можно указать на три ошибки. Первая из них — это использование обиходно-разговорного (диалектного по происхождению) парения **днями** вместо литературного **днях**. В литературном русском языке форма **днями** означает «полный день, целыми днями» (например: «он днями пропадал в своей мастерской» или «уборка и обмолот шли днями и почками»). А в значении «в один из ближайших дней, вскоре» употребляется конструкция **на днях**.

Еще две ошибки связаны с неточным употреблением слова **адрес** в разных конструкциях или словосочетаниях. В современном литературном языке конструкция **по адресу** значит «относительно» или «по поводу» кого или чего-либо. Употребляется она в сочетаниях со словами, обозначающими суждение, мнение, оценку, возражение и т. п. Например: «сделать замечание по адресу выступавшего» (т. е. выступавшему, относительно его выступления); «резкая критика по адресу представленного проекта» (т. е. по поводу этого проекта) и т. п.

Иное дело — конструкция **в адрес** (кого или чей). Буквально она означает «кому, на чье-нибудь имя» и традиционно употребляется в литературном языке для официального наименования почтовых отправок — писем, телеграмм, посылок, бандеролей и другой корреспонденции. Например: **направить телеграмму в адрес завода-заказчика; ждать посылку в свой адрес и т. п.** Значит, следовало сказать или написать: «письмо будет направлено в ваш адрес» (а не **по вашему адресу**).

Но в этой фразе есть еще одна ошибка, связанная с тавтологией — ненужным усилением, смысловым повторением одного и того же разными словами. Нельзя сказать «адрес местожительства» или «по адресу вашего местожительства». Ведь **адрес** — это и есть название местожительства, местонахождения.

Значит, вся исправленная фраза должна быть такой: «**Ответное письмо будет на днях направлено в ваш адрес**» или: «**Ответное письмо будет на днях направлено по вашему местожительству (по месту вашего жительства)**».

II.3. Правильно: «Мы убедились в том, что вопреки данным ранее обещаниям отдел продолжает тормозить освоение новой технологии».

Глагол **убедиться** и образованное от него существительное **убеждение** управляют предложным падежом зависимых слов с предлогом «в»: **убедиться в чем-нибудь, убеждение в чем-нибудь** и т. п. Ошибочное управление с предлогом «о (об)» возникает в обиходно-разговорной речи и в деловом просторечии под влиянием ложной аналогии таких конструкций, как **думать о чем-нибудь, высказывать мысли, суждения о чем-нибудь** и т. п.

Предлог **вопреки** в современном литературном языке управляет зависимыми словами в дательном (а не в родительном) падеже. Например: **вопреки указанию, вопреки желанию, вопреки обещаниям** и т. п. В XIX веке конструкция **вопреки чего-нибудь** (с родительным падежом зависимых слов), широко употреблялась наряду с конструкцией **вопреки чему-нибудь** (с дательным падежом управляемых слов). См., например, у М. Н. Толстого: «То, что он, вопреки опасений княжны Марьи, не велел насильно увезти ее, а только приказал ей не показываться на глаза, обрадовало княжну Марью».

В современном литературном языке употребление предлога **вопреки** с родительным падежом расценивается как устарелое или неправильное.

Наконец, глагол **тормозить** в литературном языке управляет винительным падежом зависимых слов: **тормозить что-нибудь**. Ошибочное управление этого глагола **тормозить чему-нибудь** (с дательным падежом) возникает в обиходно-разговорной речи и в нелитературном просторечии под влиянием ложной аналогии близких по значению конструкций: мешать кому-чему-нибудь, препятствовать кому-чему-нибудь.

III.1. «Он поступил сообразно сложившимся обстоятельствам». Или: «Он поступил сообразно со сложившимися обстоятельствами». Неправильно: «Он поступил сообразно сложившихся обстоятельств».

Предлог **сообразно** в литературном языке употребляется с дательным или с творительным падежом зависимых слов: **сообразно чему-нибудь** или **сообразно с чем-нибудь**. Например: **сообразно положению, сообразно обстоятельствам, сообразно с интересами дела, сообразно с возрастом** и т. п.

В официально-деловой речи нередко встречается конструкция **сообразно чего-нибудь** (с родительным падежом зависимых слов). Например: **сообразно закона, сообразно положения, сообразно сложившихся обстоятельств** и т. п. Ошибка возникает под влиянием таких конструкций, как **в силу чего-нибудь, исходя из чего-нибудь**, требующих после себя родительного падежа, в общелитературном языке такое употребление предлога **сообразно** не рекомендуется.

III.2. «Большой успех явился свидетельством мастерства актера». Неправильно: «Большой успех явился свидетельством мастерству актера».

При сочетании слова **свидетельство** с существительными употребляется конструкция с родительным падежом: **свидетельство чего-нибудь**. Например: **свидетельство правоты** (а не **правоте**), **свидетельство мастерства** (а не **мастерству**).

При сочетании слова **свидетельство** с местоимениями (то, это, что и др.) употребляются конструкции как с родительным, так и с дательным падежом. Например: «Единодушная поддержка товарищей была свидетельством этого» (или... «была свидетельством этому»).

Перед сказуемым в начале предложения предпочтительнее конструкция с родительным падежом. Например: «Свидетельством этого явилась поддержка товарищей». Сравните, однако, устойчивый оборот: «Тому свидетельством...» (было то-то и то-то). Например: «Доклад заинтересовал многих, Тому свидетельством были и выступления слушателей».

О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ (сборник статей)

Гл. отраслевой редактор *В. П. Демьянов*. Редактор *Н. М. Краснопольская*. Мл. редактор *О. А. Васильева*. Худож. редактор *М. А. Гусева*. Техн. редактор *Н. В. Лбова*. Корректор *Р. С. Колокольчикова*.

ИБ № 4462

Сдано в набор 19.08.81. Подписано к печати 12.11.81. А 04495. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,49. Тираж 100 050 экз. Заказ 1376. Цена 11 коп. Издательство «Знание», 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 817012. Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

11 коп.

Индекс 70069

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗНАНИЕ“

